Cyr 4-G15

FT
MEADE

Cyr 4
G 15
Copy 1

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ

РАЗСКАЗЫ

О ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ.

№ 11.

ПЕТРЪ ПАХТУСОВЪ.

П. А. Борисова.

LIBRARY OF CONGRESS

МК

LC Control Number
ltf 89 008714

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ

РАЗСКАЗЫ

О ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ.

№ 11.

П. К. ПАХТУСОВЪ.

Жизнь и двукратное его путешествіе на Новую Землю.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. А. Борисова.

СЪ КАРТОЮ ЧАСТИ СѢВЕРНАГО ОКЕАНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. М. Ледерле и К°
1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 февраля 1894 года.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
ГЛАВА	I. Вступленіе	3
	II Дѣтство и юность Пахтусова	7
	III. Первые шаги на служебномъ поприщѣ	11
	IV. Первая экспедиція на Новую Землю	14
	V. Зимовка въ губѣ Каменкѣ	21
	VI. Продолженіе зимовки	27
	VII. Полярное лѣто	39
	VIII. Возвращеніе экспедиціи въ Архангельскъ и отъѣздъ Пахтусова въ Петербургъ	45
	IX. Вторая экспедиція	53
	X. Зимовка въ Маточкиномъ Шарѣ	61
	XI. Полярная весна, возвращеніе экспедиціи въ Архангельскъ и смерть Пахтусова	69

ГЛАВА I.

Вступленіе.

Новая Земля и первыя о ней извѣстія русскихъ промышленниковъ.— Голландскіе и англійскіе путешественники.—Баренцъ.—Русскіе путешественники: Розмысловъ и Литке.—Штурманъ Бережныхъ и его проектъ.

Новая Земля извѣстна русскимъ промышленникамъ еще въ началѣ XVI вѣка, но въ географическомъ отношеніи ознакомились съ нею голландцы и англичане, искавшіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ сѣверо-восточнаго пути въ Индію. Ученый голландскій мореплаватель Баренцъ совершилъ для этой цѣли въ 1594—1597 годахъ три путешествія въ Сѣверный океанъ, и, хотя въ этомъ предпріятіи не успѣлъ, однакоже своими открытіями и изслѣдованіями принесъ географіи большую пользу. Въ 1594 г. онъ опредѣлилъ положеніе западнаго берега Новой Земли, и дошелъ до самой дальней ея оконечности на сѣверо-востокѣ, названной имъ—*Мысъ Желанія*. Путешественникъ этотъ умеръ 20-го іюня 1597 года на кораблѣ, въ виду открытаго имъ мыса. Смерть Баренца пріостановила на время поиски голландцевъ на сѣверѣ.

Всѣ эти мореплаватели доставили Европѣ первыя извѣстія о сѣверномъ берегѣ Россіи и о Новой Землѣ. Хотя они осмотрѣли только западную сторону послѣдней,—ихъ описанія и разсказы нашихъ промышленниковъ были долго единственными источниками свѣдѣній о берегахъ этого обширнаго острова *). Въ исходѣ XVII вѣка прекратились поиски сѣверо-восточнаго пути, и съ того времени, въ теченіи цѣлаго столѣтія, образованные путешественники Новой Земли не посѣщали. Только въ 1768 и 1769 годахъ проникъ въ Маточкинъ Шаръ штурманъ Розмысловъ и, осмотрѣвъ небольшую часть восточнаго берега, къ сѣверу отъ этого пролива, положилъ основаніе точнымъ изслѣдованіямъ Новой Земли. Затѣмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія осмотрѣнъ былъ юго-западный берегъ. Наконецъ, съ 1821 по 1825 годъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ путешественниковъ, Литке, описалъ весь западный берегъ отъ Карскихъ Воротъ до берега Нассавскаго **). Въ послѣдующіе годы

*) Новая Земля долго считалась однимъ островомъ, но впослѣдствіи оказалось, что она состоитъ изъ двухъ большихъ острововъ, прорѣзанныхъ отъ запада къ востоку проливомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Маточкинъ шаръ*. Вообще у нашихъ сѣверныхъ промышленниковъ слово *шаръ* означаетъ проливъ, соединяющій два моря или два смежные залива.

**) Цѣль описи состоитъ въ томъ, чтобы доставить мореплавателямъ подробныя, вѣрныя и точныя карты морей, гаваней, рейдовъ, озеръ, рѣкъ съ прилежащими берегами. По этимъ картамъ моряки могутъ располагать своимъ путемъ безопасно, и скоро достигать предназначенной цѣли. Отъ совершенства этихъ картъ зависитъ скорость сообщенія, быстрая и успѣшная торговля. Въ тѣсной связи съ описью находится и *промѣръ*, заключающійся въ измѣреніи глубинъ, опредѣленіи грунта (дна моря, рѣки или озера), мелей, подводныхъ камней.

подробно изслѣдованъ былъ берегъ Сѣвернаго океана отъ Бѣлаго моря до устья рѣки Оби. Всѣ эти экспедиціи, и въ особенности путешествіе Литке, ознакомили насъ съ полярной частью Европейской Россіи; но восточный берегъ Новой Земли оставался еще неосмотрѣннымъ и извѣстнымъ только по разсказамъ кормщика Лошкина, объѣхавшаго вокругъ всего острова около 1760 года. Въ 1828 году штурманъ Бережныхъ представилъ правительству проектъ о возможности объѣхать и описать восточный берегъ Новой Земли на оленяхъ. Но, пока длилась переписка объ удобоисполнимости этого предложенія, требовавшаго, между прочимъ, доставленія на Новую Землю трехсотъ оленей и прокормленія ихъ тамъ и на пути, что представляло въ тѣ времена едва-ли преодолимыя затрудненія, поступилъ, въ исходѣ 1829 года, другой о томъ же предметѣ проектъ штурманскаго прапорщика Пахтусова, нѣсколько лѣтъ служившаго при описи рѣки Печоры, Тиманскаго берега и Бѣлаго моря.

Небогата радостями была жизнь этого выдающагося труженика. Хмурая, какъ осеннее небо, протекла она въ борьбѣ съ суровой природой, среди нужды, лишеній и опасностей, вдали отъ близкихъ сердцу. Немногіе оцѣнили при жизни этого настойчиваго, энергическаго, безкорыстнаго и въ высшей степени скромнаго дѣятеля, по-

Наконецъ, *лоція* имѣетъ предметомъ описывать фарватеры (пути), входы въ порты, различные проходы, виды береговъ съ различныхъ точекъ, и, вообще, все, что можетъ способствовать тому, чтобы мореплаватель, по одному взгляду, могъ судить о томъ, гдѣ онъ находится, и безопасно плыть между невидимыми камнями и мелями, какъ между видимыми.

жертвовавшаго лучшими годами и самой жизнью для выполненія трудной задачи, которая была имъ намѣчена еще въ дни юности. Всѣ свои познанія, всю нравственную и физическую силу посвятилъ онъ возлюбленному дѣлу на пользу наукѣ и человѣчеству.

ГЛАВА II.

Дѣтство и юность Пахтусова.

Мѣсто рожденія.—Жизнь въ Архангельскѣ.—Бѣдность.—Школа военныхъ кантонистовъ.—Первое знакомство съ прибрежными промыслами.—Продажа казенной щепы.—Успѣшное ученіе.—Переводъ въ Кронштадтъ.—Практическія плаванія.—Крушеніе транспорта *Кармиръ*.—Доблестный капитанъ.

Петръ Кузьмичъ Пахтусовъ родился въ Кронштадтѣ въ 1800 году. Отецъ его, происходившій изъ простого званія, былъ отставной шкиперъ *). Отслуживъ обязательный срокъ службы, онъ переѣхалъ съ семьею на родину, въ Сольвычегодскъ. Тамъ провелъ Пахтусовъ съ родителями свое дѣтство. Какъ жила семья Пахтусова въ этомъ городѣ—свѣдѣній не сохранилось, извѣстно только, что на восьмомъ году мальчикъ лишился отца, а его мать переселилась тогда въ Архангельскъ, и отдала сына въ Военно-Сиротское отдѣленіе, впослѣдствіи школу военныхъ кантонистовъ, куда на казенный счетъ принимались на воспитаніе дѣти солдатъ и мелкихъ чинов-

*) Чиновникъ на военныхъ судахъ, въ вѣдѣніи коего находятся паруса, такелажъ, краски и др. корабельныя принадлежности.

никовъ. Съ первыхъ же дней поступленія въ это заведеніе взялся онъ горячо за тогдашнюю науку. Не обладая бойкими способностями или, лучше сказать, хорошей памятью, которая въ тѣ времена считалась въ дѣтяхъ признакомъ отличныхъ дарованій, потому что все задаваемое приходилось преодолѣвать одной памятью, заучивая наизусть, безъ всякихъ объясненій и разсужденій,—онъ долженъ былъ очень усердно вытверживать длинные уроки «отселева до селева», подъ страхомъ строгой и горячей расправы.

Много горя натерпѣлся въ этой суровой школѣ самъ Пахтусовъ, насмотрѣлся онъ вдоволь и на страданія многихъ своихъ маленькихъ товарищей. Бѣдная мать не могла изъ скудныхъ достатковъ удѣлять сыну никакой помощи, и онъ, въ свободное отъ занятій время, принужденъ былъ бѣгать на верфь, гдѣ строились военныя суда, и собирать тамъ щепу на продажу. Нерѣдко приходилось ему отдавать свою добычу писарямъ, получая отъ нихъ въ обмѣнъ бумагу, перья и карандаши, въ которыхъ онъ терпѣлъ постоянно большую нужду.

Былъ онъ не по лѣтамъ смѣлъ и силенъ. Промышляя казенной щепой, которую продавалъ бѣднымъ обывателямъ Соломбалы (предмѣстье Архангельска), и скопивъ такимъ образомъ кое-какія крохотныя деньжонки, онъ обзавелся собственной лодкой. На ней ѣзжалъ онъ одинъ, безъ провожатыхъ, верстъ за пятьдесятъ отъ Архангельска, на взморье, ловить рыбу и стрѣлять птицъ. Неоднократно во время этихъ поѣздокъ случалось храброму мальчику испытывать всевозможныя невзгоды: бурю, стужу, голодъ, бороться съ вѣтромъ и льдами. Прихо-

дилось дни и ночи проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать гдѣ нибудь, на безлюдномъ берегу, за камнемъ, подъ шумъ дождя, кутаясь въ жалкую казенную одежонку. Но привольное раздолье взморья, въ ясные, теплые дни весны и лѣта, вознаграждало его за всѣ лишенія и тягости ненастной осенней погоды. Все это рано пріучило его къ морю, закалило характеръ, воспитало въ немъ предпріимчивость, рѣшимость и отвагу въ борьбѣ съ самыми непреодолимыми препятствіями. Онъ сдѣлался хорошимъ стрѣлкомъ и пловцомъ.

Между тѣмъ, благодаря упорному труду, ученье его шло такъ успѣшно, что, обративъ вскорѣ на себя особенное вниманіе начальства, онъ въ 1816 году, на удивленіе всего заведенія, какъ лучшій по успѣхамъ ученикъ, былъ переведенъ въ штурманское училище, въ Кронштадтъ. Переѣздъ туда океаномъ сдѣлалъ онъ на военномъ кораблѣ. Это было его первое дальнее морское путешествіе. Впослѣдствіи плавалъ онъ ежегодно на военныхъ судахъ для практики въ кораблевожденіи.

Возвращаясь, въ 1818 году, изъ Испаніи на транспортномъ суднѣ *Карминъ*, подъ командою капитанъ-лейтенанта Богданова, привелось ему потерпѣть бѣдствіе на морѣ. Судно разбилось у мыса Скагена, на северной оконечности полуострова Ютланда. При этомъ несчастіи погибъ командиръ *Кармина*. Этотъ доблестный капитанъ, свято исполняя долгъ честнаго моряка, не пожелалъ оставить корабль свой ранѣе, нежели спасется вся команда; съ нимъ утонули офицеръ и нѣсколько матросовъ. Спасшіеся, въ томъ числѣ и Пахтусовъ,

перевезены были въ Копенгагенъ, гдѣ провели зиму, и лѣтомъ 1819 года возвратились благополучно въ Кронштадтъ. Этотъ случай, въ самомъ началѣ морской службы Пахтусова, познакомилъ его со связанными съ нею трудностями, опасностями, и закалилъ его натуру противъ ударовъ двухъ стихій: воды и воздуха, съ которыми впослѣдствіи онъ такъ неутомимо боролся.

ГЛАВА III.

Первые шаги на служебномъ поприщѣ.

Выпускъ изъ училища.—Участіе Пахтусова въ разныхъ сѣверныхъ экспедиціяхъ.—Лѣсничій Клоковъ.—Коммерціи совѣтникъ Брандтъ.—Планъ Клокова.

Въ 1820 году Пахтусовъ былъ выпущенъ изъ училища штурманскимъ помощникомъ унтеръ-офицерскаго чина, и въ то же лѣто посланъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ моремъ. Съ этого времени началась дѣйствительная его служба, въ настоящемъ значеніи этого слова. Его предпріимчивому духу открылась дѣятельность, къ которой давно рвалась его душа, и до конца жизни онъ постоянно участвовалъ въ разныхъ ученыхъ и трудныхъ экспедиціяхъ на сѣверѣ.

Въ 1821. 1822 и 1824 годахъ Пахтусовъ былъ помощникомъ штурмана Иванова при описи рѣки Печоры и берега Ледовитаго океана, къ востоку отъ ея устья, до острова Вайгача. Въ эту экспедицію онъ коротко ознакомился съ природою того края и съ безстрашнымъ характеромъ и предпріимчивостью его жителей. Это породило въ немъ мысль и охоту проникнуть на непри-

ступный до того времени восточный берегъ Новой Земли и описать его. Въ этой мысли онъ еще болѣе утвердился во второе свое пребываніе на сѣверѣ, въ 1826 году. Находясь тогда подъ начальствомъ штурмана Бережныхъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ описалъ берегъ Ледовитаго океана, къ западу отъ Печоры, и островъ Колгуевъ.

Съ 1827 года Пахтусовъ, переименованный въ кондукторы Корпуса Флотскихъ Штурмановъ, занимался, подъ начальствомъ извѣстнаго гидрографа М. Ф. Рейнеке, описью и промѣромъ Бѣлаго моря, участвуя въ этой экспедиціи во все время ея дѣйствія, кромѣ послѣдняго, 1832 года, когда получилъ, какъ будетъ сказано ниже, другое, болѣе важное назначеніе.

Во время долголѣтней службы на дальнемъ сѣверѣ судьба часто сталкивала его съ поморскими промышленниками. Разсказы этихъ храбрецовъ о богатыхъ ловахъ звѣрей и рыбы на берегахъ Новой Земли, о трудностяхъ, испытываемыхъ ими въ этомъ холодномъ, безлюдномъ краѣ и рискованныхъ плаваніяхъ на утлыхъ ладьяхъ, среди ледяныхъ массъ, безъ картъ, почти ощупью, съ единственнымъ, подчасъ, только упованіемъ на милость Николая Угодника,—все это глубоко запало въ душу неустрашимаго путешественника. Въ немъ мало по малу назрѣвала мысль о томъ, какъ пособить удалымъ поморамъ въ ихъ тяжеломъ и небезопасномъ дѣлѣ. Съ этого времени вся его энергія была направлена къ осуществленію этого намѣренія.

Начальство обратило вниманіе на способнаго штурмана, и наградило его въ 1828 году первымъ офицерскимъ чиномъ, а въ 1831 году—чиномъ подпоручика;

но чины не удовлетворяли его желаніямъ. Онъ думалъ только о своемъ предпріятіи, и старался своими разсказами возбудить вниманіе архангельскихъ купцовъ къ прибыльнымъ промысламъ у береговъ Новой Земли, о которыхъ, какъ уже сказано, имѣлъ самыя подробныя свѣдѣнія отъ пустозерскихъ мѣщанъ. Къ счастью, въ 1829 году познакомился онъ съ ученымъ лѣсничимъ Клоковымъ, который, предполагая открыть плаванье Ледовитымъ океаномъ къ рѣкѣ Енисею, для торговли съ сибирскими губерніями, считалъ необходимымъ описать и Новую Землю, какъ станцію на этомъ пути, особенно восточный ея берегъ. Планъ этотъ, однако, впродолженіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ оставался безъ движенія, и только въ 1832 году удалось Клокову склонить коммерціи-совѣтника Брандта отправить, на общемъ иждивеніи, экспедицію къ рѣкѣ Енисею и на Новую Землю. Правительство, утвердивъ ихъ проектъ, даровало имъ на свободные промыслы морскихъ звѣрей въ Ледовитомъ океанѣ, двадцати-пятилѣтнюю привиллегію.

ГЛАВА IV.

Первая экспедиція на Новую Землю.

Лейтенантъ Кротовъ.—Работы по изготовленію судовъ и приготовленія къ путешествію.—Отплытіе.—Безлюдіе. — Колгуевъ. — Буря. — Ледяныя поля.—Берегъ Новой Земли.—Начало описныхъ работъ.—Неудачи.—Промышленничья изба и крестъ.—Приготовленія къ зимовкѣ.—Губа Каменка.

Экспедиція состоялась. Лейтенантъ Кротовъ принялъ на себя открытіе пути къ Енисею, а Пахтусову поручена была опись восточнаго берега Новой Земли. Такимъ образомъ осуществилась давнишняя пламенная мечта Пахтусова, и онъ самоотверженно приступилъ къ выполненію великаго дѣла, давно обѣщаннаго самому себѣ и другимъ. Заботы и тяжелые труды, неизбѣжные при сборахъ въ такой дальній и опасный путь, казались ему легкими. Онъ чувствовалъ себя здоровѣе и веселѣе, чѣмъ когда-либо.

Начались работы по изготовленію судовъ. Небольшая двухмачтовая шхуна, названная *Енисеемъ*, поручена была Кротову. Она имѣла 50 ф. длины и около 16 ф. ширины. Другое суденышко, названное *Новой Землей*, построено было на подобіе большого карбаса, лодки, упо-

требляемой пустозерскими промышленниками для отдаленныхъ плаваній во льдахъ. Длина этого судна была 42 ф., ширина 14 ф. Въ кормовой и носовой его части сдѣланы были каюты изъ легкихъ досчатыхъ переборокъ. Въ задней каютѣ расположился Пахтусовъ со своимъ помощникомъ Крапивинымъ, а въ передней помѣстилось восемь человѣкъ матросовъ. Середина судна оставалась незакрытою, безъ палубы, въ замѣнъ которой прибита была къ бортамъ толстая парусина, посредствомъ которой, во время бурныхъ и ненастныхъ погодъ, закрывали судно отъ дождя и волненія, и такимъ образомъ предохраняли провизію и самихъ себя отъ мокроты. Въ тихую и сухую погоду парусина оставалась скатанною вдоль бортовъ. Съѣстныхъ припасовъ взято было на 14 мѣсяцевъ. При суднѣ имѣлись двѣ лодки, изъ коихъ большая могла вмѣстить 7 человѣкъ; другая—небольшой челнокъ, поднимала четырехъ.

На случай зимовки котораго либо изъ судовъ у береговъ Новой Земли, предположено было отправить въ Маточкинъ Шаръ срубъ избы. Для этой цѣли снарядили палубную лодью, подъ управленіемъ уже знакомаго съ Новой Землей крестьянина Гвоздарева, которому поручено было поставить избу въ назначенномъ мѣстѣ, и затѣмъ заняться промысломъ моржей и бѣлугъ, чтобы окупить издержки, употребленныя на устройство и отправку самой избы.

Лишь только вечеромъ, 1-го августа 1832 года, задулъ легкій вечерній береговой бризъ, суда экспедиціи снялись, поставили всѣ паруса и плавно двинулись внизъ по рѣкѣ Двинѣ. Погода благопріятствовала, и суда все

далѣе и далѣе оставляли за собой Архангельскъ. Сначала оба судна держались не вдалекѣ одно отъ другого; но шхуна *Енисей*, обладавшая большей скоростью, ушла впередъ. На разсвѣтѣ 7-го августа съ карбаса усмотрѣли судно, но, по дальности разстоянія, узнать его не могли. Когда, въ 5 часовъ утра, совсѣмъ разсвѣло, судно оказалось шхуной *Енисей*, которая, замѣтивъ судно Пахтусова, стала убавлять паруса, чтобы, какъ думали на карбасѣ, подождать отставшихъ и затѣмъ продолжать плаваніе совмѣстно. Въ 6 часовъ вечера шхуна Кротова, взявъ направленіе къ Маточкину Шару, неожиданно поставила всѣ паруса, и въ 9 часовъ скрылась за горизонтомъ. Съ этой минуты Пахтусовъ со своими спутниками въ теченіи болѣе года не встрѣчалъ ни одного судна, ни одного посторонняго человѣка.

Въ полночь на 9-е августа увидѣли съ карбаса берегъ острова Колгуева, въ весьма близкомъ разстояніи, прямо передъ носомъ судна, и рѣшили обойти этотъ островъ по сѣверную его сторону.

До полуночи слѣдующаго числа шли миль*) по шести въ часъ при жестокомъ волненіи. Казалось, каждый набѣгавшій валъ старался покрыть судно сѣдымъ гребнемъ. Все море закипѣло, застонало. Стремительные порывы вѣтра съ оглушительнымъ свистомъ налетали на карбасъ, грозили переломить мачту, разорвать паруса въ клочки. Высокіе валы съ такою быстротою катились одинъ за другимъ, съ такою яростью ударялись о борта судна, что каждое мгновеніе грозили разбить его на тысячи

*) Итальянская или морская миля = $1^3/_4$ версты.

кусковъ. Но ботъ Пахтусова гордо разсѣкалъ волны, и несся на хребтахъ ихъ, не страшась неукротимаго разнузданнаго разгула разъяренной стихіи.

Съ двухъ часовъ вѣтеръ сталъ стихать, но море волновалось еще съ прежней силой, такъ что на суднѣ съ трудомъ можно было держаться на ногахъ.

Въ началѣ четвертаго часа пополудни показались небольшія плавающія льдины, которыя вскорѣ, впрочемъ, скрылись въ туманѣ. Въ 6 часовъ волненіе уменьшилось, и Пахтусовъ ласкалъ себя надеждой въ скоромъ времени увидѣть берегъ, который былъ скрытъ густымъ туманомъ, но, вмѣсто берега, внезапно показались два ледяныя поля. Скоро, однако, туманъ порѣдѣлъ, и, къ общей радости, передъ носомъ карбаса открылся берегъ Новой Земли. Не смотря на то, что впереди колыхался густой плавающій ледъ, Пахтусовъ рѣшилъ пройти между льдинами къ остро выдающемуся въ море мысу и за нимъ укрыться на ночь. Въ $7^1/_2$ часовъ съ трудомъ протискались сквозь ледъ въ губу Широчиху, и около небольшого острова стали на якорь. Въ девятомъ часу вѣтеръ сталъ крѣпчать, и къ ночи заревѣла буря; термометръ показывалъ только—$1^1/_4{}^0$ R. Всю ночь бушевалъ вѣтеръ и лилъ проливной дождь. Рано утромъ снялись съ якоря и пошли далѣе.

Съ этого дня началось производство описи, сначала южнаго берега Новой Земли. Къ сожалѣнію, безпрестанно находившія тучи съ дождемъ и туманомъ часто мѣшали работѣ. Въ одинъ изъ такихъ ненастныхъ дней, пользуясь относительнымъ досугомъ, матросы убили двѣнадцать гагаръ и сварили ихъ въ братскомъ котлѣ.

Послѣ надоѣвшей всѣмъ жесткой солонины, пища эта показалась имъ очень вкуснымъ лакомствомъ.

По причинѣ густо носившагося льда производить опись съ судна оказалось невозможнымъ. Пришлось вернуться на старое мѣсто. Берегъ, у котораго стоялъ карбасъ Пахтусова, былъ низменный; на немъ валялось много выкиднаго лѣса, годнаго для топлива, а такъ какъ свободнаго времени было довольно, то матросы ѣздили на берегъ для прогулки, причемъ имъ приказано было набрать валежника и нарубить дровъ.

Частыя неудачи въ описныхъ работахъ отъ тумановъ, дождей и большей частью отъ льдовъ, дѣлали положеніе Пахтусова несноснымъ. Мысль, что, не смотря на раннее еще время, придется зазимовать, не увидѣвъ восточнаго берега, крайне безпокоила предпріимчиваго изслѣдователя. Ободряли его только примѣры предшествовавшихъ экспедицій въ полярныя страны. Онъ зналъ, что и въ позднюю осень Карскіе Ворота*) иногда бываютъ чисты отъ льда.

Еще разъ сдѣлали попытку осмотрѣть сѣверный берегъ залива, въ которомъ стояло судно Пахтусова. На этотъ разъ отправились на лодкѣ. Необходимо было узнать, много ли нагнало льда, и не будетъ ли онъ препятствовать дальнѣйшему плаванію карбаса къ востоку. Не смотря на дождь и туманъ, Пахтусовъ съ частью матросовъ достигъ сѣверо-восточной оконечности залива, гдѣ нашли густой ледъ. Два раза пришлось перетаски-

*) Проливъ между южнымъ берегомъ Новой Земли и островомъ Вайгачемъ, соединяющій Карское море съ Ледовитымъ океаномъ.

вать лодку черезъ ледяныя поля, пока не достигли пространства свободнаго. Черезъ часъ ѣзды между льдинами увидѣли берегъ и вышли на его возвышенность. Тутъ нашли промышленничью избу и при ней поставленный въ 1759 году кормщикомъ Ивановымъ крестъ, надпись на которомъ еще можно было разбирать безъ труда. Подлѣ креста виднѣлись двѣ могилы.

Хижина была такъ ветха, что едва ли десятокъ бревенъ изъ нея годился на дрова. Длина ея, вмѣстѣ съ пристроенной къ ней небольшой баней, была 5 саженъ,— ширина двѣ сажени. Потолки провалились. Стѣнныя бревна были такъ гнилы, что ихъ легко было ломать руками: но и этой находкѣ обрадовались путешественники, надѣясь, въ случаѣ необходимости, кое-какъ исправить ее и провести въ ней долгую суровую зиму.

Вечеромъ вернулись они на судно къ товарищамъ съ радостнымъ извѣстіемъ о важной находкѣ. Тогда-же послалъ Пахтусовъ нѣсколько человѣкъ на двухъ лодкахъ добыть валежника и пріискать лѣса, годнаго для починки избы. Люди вернулись, привезя около сажени дровъ и 6 бревенъ. Такое раннее приготовленіе къ зимовкѣ могло-бы быть поставлено Пахтусову въ вину; но онъ полагалъ, что во всякое, благопріятное для описи, время гораздо легче повыкидать изъ судна лишніе дрова и лѣсъ, нежели запастись ими на случай крайней нужды. Кромѣ того, эти занятія были полезны для здоровья матросовъ, такъ какъ трудъ и движеніе на свѣжемъ воздухѣ спасаютъ отъ цынготной болѣзни.

Дни проходили за днями. Погода нисколько не улучшалась. Состояніе льда тоже не мало препятствовало

успѣшному ходу описныхъ работъ. Команду ежедневно посылали за дровами и лѣсомъ, для предполагаемой поправки избы.

Болѣе недѣли пребывали участники экспедиціи въ праздности, чувствовали стѣсненіе въ груди и неодолимую скуку, которую не въ силахъ были разогнать прогулками по пустынному берегу.

Наконецъ, 31-го августа, не выжидая, когда очистится видимое пространство отъ льда, рѣшилъ Пахтусовъ двинуть свой карбасъ на востокъ, къ найденной избѣ. Вслѣдствіе сильнаго вѣтра нельзя было нести парусовъ, а оставалось одно средство: пробираться между массами разбитаго льда, то *бичевой*, то *завозомъ**).

Послѣ невѣроятныхъ усилій достигъ Пахтусовъ губы Каменки, гдѣ и поставилъ свой карбасъ у берега, саженяхъ въ пятидесяти отъ полуразвалившейся избы. Тутъ предположено было приготовить зимовье.

*) *Бичевой* называется веревка, которой люди, идущіе по берегу, тянутъ за собой судно по водѣ. Идти *завозомъ*—значитъ подтягиваться за веревку къ брошенному впереди судна якорю.

ГЛАВА V.

Зимовка въ губѣ Каменкѣ.

Починка ветхой избы и устройство зимняго жилища.—Здоровье команды. — Туманы и дожди. — Огромное стадо оленей. — Бѣлый медвѣдь — Прекращеніе работъ.—Размѣры и внутреннее расположеніе хижины.— Занятія участниковъ экспедиціи.—Неожиданная зелень.—Бытъ зазимовавшихъ моряковъ. Развлеченія.—Наводненіе.

Съ 1-го сентября потянулись унылые зимніе дни. При малѣйшей возможности, какъ только позволяла погода, посылалъ Пахтусовъ Крапивина и самъ отправлялся съ частью команды пѣшкомъ, для производства описи отъ зимовья къ сѣверу, т. е. по восточному берегу Новой Земли. Остальные люди занимались очищеніемъ избы и выборкою изъ стѣнъ ея негодныхъ бревенъ, которыя необходимо было замѣнить новыми. Чтобы привести хижину въ сколько-нибудь пригодное для жилья состояніе, требовалось, по крайней мѣрѣ, до тридцати новыхъ бревенъ.

На Новой Землѣ лѣсу не растетъ. Водится только кое гдѣ чахлый ивнякъ, но выше полуаршина отъ земли онъ не подымается. При постройкахъ помогаетъ море. Въ

него выноситъ изъ сибирскихъ и русскихъ рѣкъ великое множество готоваго лѣса, называемаго *плавникомъ*. Море этотъ лѣсъ выбрасываетъ на берегъ.

Для починки избы необходимо было ежедневно посылать на берегъ по двѣ шлюпки за плавниками, годными на постройку. Эти разъѣзды, на 6 и на 7 верстъ отъ избы, продолжались 8 дней, нерѣдко въ сырую, холодную погоду, и матросамъ не всегда удавалось просушить намокшую одежду. Нѣкоторые изъ нихъ стали чувствовать грудную боль и другія простудныя болѣзни. Извѣстно, что неопрятность—первый поводъ къ цынгѣ, но при тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя застигли экспедицію, Пахтусовъ, ранѣе окончанія постройки избы, не могъ возстановить надлежащей чистоты. Впрочемъ, справедливость заставляетъ сказать, что всѣ, безъ исключенія, его подчиненные переносили всѣ трудности безъ малѣйшаго ропота или лѣности. Всѣ были веселы и нерѣдко даже шутили надъ своимъ печальнымъ положеніемъ. Самъ Пахтусовъ съ самаго начала похода довольствовался одинаковой пищей съ командой и во всѣхъ трудныхъ работахъ лично участвовалъ наравнѣ съ матросами. Распорядительностью, находчивостью и присутствіемъ духа снискалъ онъ полное послушаніе и довѣріе своихъ подчиненныхъ.

Густые туманы и дожди совершенно остановили геодезическія и астрономическія работы, необходимыя для составленія карты. Оставалось ограничить занятія только постройкой избы и собираніемъ бревенъ и дровъ. Заливъ, въ которомъ стояло судно Пахтусова, по временамъ очищался отъ льда, но море постоянно было заперто. Не-

редъ полуднемъ 12-го сентября показалось огромное, идущее на сѣверъ, стадо оленей. Два стрѣлка тотчасъ-же были посланы на охоту; они убили двухъ оленей. Эта охота дала 11 пудовъ свѣжаго, вкуснаго мяса. Пища эта много послужила поправленію здоровья команды.

На слѣдующій день, часу въ первомъ пополудни, находившійся на берегу, у сбора плавника, матросъ Рудаковъ увидѣлъ шедшаго къ избѣ медвѣдя. Зная, что никого не было дома. Рудаковъ закричалъ, частью отъ страха, а также изъ опасенія, чтобы косматый посѣтитель не похитилъ изъ сѣней избы убитыхъ наканунѣ оленей. Услышавъ крикъ, медвѣдь остановился, и потомъ пошелъ назадъ, поглядывая по временамъ на незнакомаго ему крикуна.

Въ 8 часовъ утра, 14-го сентября, термометръ показывалъ холода 9°. Губа Каменка покрылась льдомъ; по горизонту тоже стоялъ сплошной ледъ. О дальнѣйшемъ плаваніи въ этомъ году не могло быть и рѣчи. Стали выгружать изъ судна провизію и часть ея перенесли поближе къ избѣ. Затѣмъ перенесли въ зимовье книги и астрономическіе инструменты. Наконецъ, приступили къ подъему на берегъ карбаса. Эта трудная работа была окончена 19-го сентября, и съ этого времени начали вести метеорологическій журналъ, записывая въ него каждые два часа: высоту барометра, термометра и состояніе атмосферы. Занятія по описи берега прекратились на семь мѣсяцевъ, которые участники экспедиціи должны были проводить въ праздности.

Постройка избы продолжалась 11 дней. Вотъ какъ

размѣстились въ ней 10 человѣкъ, забившихся на всю долгую зиму въ сырую берлогу.

Вышина выведенныхъ стѣнъ хижины была $5^1/_2$ фут., вышина ея на серединѣ была 7 фут. Крыша, настланная привезенными изъ Архангельска досками, служила и потолкомъ. На кровлю накидали песку, а поверхъ его набросали еще старыя гнилыя бревна, оставшіяся послѣ починки ветхой избы. Щели въ стѣнахъ прокопопатили мхомъ. Внутри хижины, около боковыхъ стѣнъ, сдѣлали нары изъ тѣхъ же досокъ, на высотѣ полутора фута отъ земли; для пола досокъ не хватило. Въ одномъ углу избы поставили печку, сложенную изъ привезенныхъ кирпичей. Въ трехъ саженяхъ отъ дверей избы построили баню. Эти два строенія соединили небольшими сѣнями или корридоромъ, шириною въ 4 фута. Одна сторона сѣней осталась старая, а другую составили изъ бочекъ съ провизіей. На крышу сѣней употребили весла, негодныя доски и паруса. Въ сѣняхъ хранили: теплую одежду, чтобы она не портилось отъ тепла, провизію, оружіе и небольшой очагъ для варки пищи.

Устроенное такимъ образомъ жилище, конечно, не представляло большихъ удобствъ; но, за неимѣніемъ лучшаго, Пахтусовъ былъ имъ доволенъ, хотя не могъ не пожалѣть, что изба, отправленная въ Маточкинъ Шаръ, не попала въ его распоряженіе. Команду распредѣлилъ онъ на вахты, или очереди, по 2 человѣка въ каждую. Вахтенные люди обязаны были осматривать судно и внѣшнюю сторону сѣней, а ночью наблюдать, кромѣ того, за песочными часами. Самъ Пахтусовъ для веденія метеорологическаго журнала чередовался съ помощникомъ.

дѣятельность предохраняла всѣхъ отъ цынготной болѣзни, которой должны были опасаться, вслѣдствіе тѣсноты и сырости жилища.

На третій день послѣ переборки въ хижину, изъ мха въ щеляхъ стѣнъ, показалась трава, а недѣли черезъ двѣ нѣкоторые ея стебли выросли до восьми дюймовъ длины. Во все время зимовки не видали моряки зелени, да и впослѣдствіи не случалось имъ видѣть на Новой Землѣ такой большой и свѣжей. Однако, они не могли радоваться превращенію ихъ жилища въ оранжерею, и, по возможности, старались очищать стѣны отъ этого украшенія.

Не смотря на плохое устройство избы и сырое топливо, было въ ней тепло, даже при морозахъ свыше 30°. Угара также не было. За то сырость и, особенно, спертый воздухъ были иногда нестерпимы. Стоило только пріотворить дверь, чтобы въ избѣ образовалось цѣлое облако удушливаго пара, и паръ этотъ даже въ самый свѣтлый день наполнялъ ее полумракомъ. Книги и платье, лежавшіе на нарахъ, скоро покрывались плѣсенью, и надобно было по временамъ ихъ просушивать. Прохаживаться въ избѣ не дозволяла тѣснота; между нарами оставалось свободнымъ пространство только въ $2^1/_2$ фута ширины, и тутъ еще стоялъ письменный столикъ Пахтусова и всякая иная утварь. Начиная топить печь, отворяли дверь, чтобы дымъ поскорѣе выносило въ трубу, а потому внизу было холодно, а вверху дымно.

Для соблюденія чистоты, скоблили, по временамъ, земляной полъ желѣзными лопатами. Матросы ходили въ баню каждую недѣлю; бѣлье мѣняли два раза въ недѣлю. Спать дозволялось—только ночью, не болѣе восьми

часовъ; гулять выходили такъ часто, какъ позволяла погода. Сидя въ душномъ зимовьѣ, каждый занимался своей работой: одинъ чинилъ платье, другой снаряжалъ орудія для ловли звѣрей, остальные разговаривали про былое и пѣли пѣсни. По воскресеньямъ читали Священное Писаніе и молитвы. Пища была общая для всѣхъ. Пахтусовъ старался удерживать товарищей отъ неумѣренности, потому что при отягченномъ желудкѣ неодолимо клонитъ сонъ. Утромъ, около пяти часовъ, пили чай или сбитень; въ 12 обѣдали; вечеромъ пили чай только тогда, когда много ходили, а чаще, вмѣсто чаю, около шести часовъ, ужинали. Водку давали только послѣ трудныхъ работъ, или въ ненастные дни, послѣ прогулки.

Чтобы придать нѣкоторую занимательность обыкновеннымъ прогулкамъ команды, поставлено было по берегу, на двѣ версты въ обѣ стороны отъ зимовья, нѣсколько ловушекъ для промысла песцовъ. Эта охота служила всѣмъ обитателямъ хижины развлеченіемъ и забавой во время долгой бездѣятельной зимовки.

Утромъ, 14-го октября, задулъ сильный западный вѣтеръ, и поднялась жестокая мятель. Барометръ не предвѣщалъ ничего хорошаго. Ледъ въ губѣ Каменкѣ разломало, берегъ затопило водою, а вытащенное на берегъ судно, едва не унесло въ море; но, къ счастью, начальникъ экспедиціи принялъ во время мѣры противъ утраты карбаса, единственнаго средства, которое осталось въ его распоряженіи для дальнѣйшаго выполненія его плана весною, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

ГЛАВА VI.

Продолженіе зимовки.

Стужа.—Опять бѣлые медвѣди.—Буря.—Праздникъ Рождества Христова.—Цынга.—Первые лучи солнца послѣ долгой полярной ночи.—Любопытствующіе бѣлые мѣдвѣди.—Возобновленіе прерванныхъ работъ.—Заливъ Никольскій и жалкая лачуга.—Возвращеніе Пахтусова съ описныхъ работъ и его болѣзнь.—Продолженіе работъ и бѣдствія Пахтусова.— Возвращеніе въ губу Каменку.—Смерть двухъ матросовъ.

Въ ноябрѣ начались морозы болѣе 20°, а 9-го числа термометръ уже показывалъ 32°. Съѣстные припасы замерзли до окаменѣлости. Кислую капусту можно было разрубить только ломомъ. Мясо и солонина даже и топору не поддавались. Только масло и сало твердѣли слабѣе; ихъ можно было расколоть зубиломъ или пробрать хорошимъ долотомъ. Отъ продолжительной стужи окно избы, покрывшееся изнутри льдомъ толщиною въ 1 дюймъ и не пропускавшее свѣта зари, сдѣлалось безполезнымъ; его закрыли снаружи досками, а самый домъ обрыли снѣгомъ. Съ этого времени держали въ хижинѣ огонь днемъ и ночью.

Послѣ восьмидневной стужи, погода стала помягче. Вѣтромъ отъ запада отнесло ледъ и отогнало отъ берега такъ далеко, что и съ горъ не было его видно. Послѣ

полудня, 23-го ноября, двое матросовъ, отправившихся на карбасъ за необходимыми для нихъ вещами, выходя изъ него, замѣтили саженяхъ въ четырехъ отъ себя бѣлаго медвѣдя. Оружія никакого при нихъ не было. Чтобы отогнать медвѣдя и дать знать объ угрожающей опасности людямъ, находившимся въ избѣ, они закричали. Грозный посѣтитель, посмотрѣвъ на нихъ пристально, пошелъ въ гору. На крикъ, схвативъ ружья, выскочили изъ хижины Пахтусовъ съ двумя матросами. Медвѣдь часто садился и смотрѣлъ на преслѣдующихъ его непріятелей, а по приближеніи ихъ къ нему на ружейный выстрѣлъ, уходилъ впередъ, и потомъ опять садился и смотрѣлъ. Дали по немъ выстрѣлъ. Лишь только увидалъ онъ огонь на полкѣ кремневаго ружья, какъ въ то-же мгновеніе бросился бѣжать и вскорѣ скрылся за снѣжными сугробами.

Спустя часъ, по возвращеніи Пахтусова и матросовъ въ зимовье, гдѣ еще продолжался разговоръ о видѣнномъ звѣрѣ, одинъ изъ нихъ вышелъ въ сѣни, и, отворяя наружную дверь, увидѣлъ другого медвѣдя, который, не обращая ни малѣйшаго на него вниманія, неторопливо и спокойно ѣлъ ворванное сало изъ стоявшей подлѣ сѣней бочки. Человѣкъ закричалъ, а косматый бросился въ сѣни. Охотники выскочили, и лишь только отворили дверь, медвѣдь вдругъ кинулся на стрѣлковъ и едва не схватилъ одного изъ нихъ за руку. Другой охотникъ, хотя и выстрѣлилъ, но второпяхъ далъ промахъ. Послѣ этого медвѣдь опрометью бросился черезъ сугробъ снѣга, перескочилъ полѣнницу дровъ, и стремительно скатился подъ гору, въ губу Каменку.

Море было свободно отъ льда въ продолженіи восемнадцати дней, начиная съ 15-го ноября. Вѣтры стояли благопріятные для описи берега, и успѣхи могли бы быть очень хорошіе, еслибъ не препятствовали тому холодъ и мятели. Тутъ только Пахтусовъ окончательно убѣдился, что Карское море иногда бываетъ совершенно чисто, въ чемъ, при началѣ экспедиціи, сталъ было сомнѣваться, встрѣчая на каждомъ шагу непреодолимыя преграды отъ ледяныхъ массъ.

Вечеромъ, 26-го ноября, часу въ седьмомъ, подходили къ избѣ три ошкуя (бѣлые медвѣди), но, прежде чѣмъ успѣли выскочить къ нимъ на встрѣчу люди изъ зимовья, они спустились въ губу Каменку, и сдѣланные по нимъ выстрѣлы были напрасны.

Сильнымъ южнымъ вѣтромъ, въ ночь на 15-е декабря, сорвало съ мѣста опрокинутую на берегу, подлѣ избы, большую лодку и унесло ее саженъ на полтораста. Спрятанный подъ нею челнокъ треснулъ пополамъ, да и самую лодку значительно попортило. Имѣя, однако, въ ней крайнюю нужду для предстоящаго лѣта, матросы усердно принялись ее чинить, хотя съ имѣвшимися въ ихъ распоряженіи бѣдными средствами исполнить такую задачу было дѣло нелегкое. Но нужда, болѣе всего на свѣтѣ, дѣлаетъ людей трудолюбивыми и изобрѣтательными. Словомъ, лодка была исправлена.

Праздникъ Рождества Христова встрѣченъ былъ усердными, горячими молитвами о ниспосланіи здоровья и благодареніемъ Богу, что Онъ такъ милостиво хранилъ всѣхъ участвующихъ въ экспедиціи. Послѣдующіе дни святокъ провели въ пѣсняхъ, играхъ и обыкновенныхъ

деревенскихъ увеселеніяхъ, стараясь, по возможности, разогнать неодолимую тоску, щемившую сердца моряковъ при мысли о родныхъ и друзьяхъ, справляющихъ великій праздникъ при иныхъ условіяхъ... На второй день Рождества опять подходили къ избѣ три медвѣдя; но къ нимъ такъ уже привыкли, что ихъ посѣщеніе дало только поводъ къ веселымъ шуткамъ на счетъ незваныхъ святочныхъ гостей.

До исхода декабря обитатели зимовья не чувствовали никакой болѣзни; только матросъ Федотовъ былъ нѣсколько слабѣе другихъ и не могъ участвовать въ тяжелыхъ работахъ. У другого матроса, Рудакова, обнаружились на тѣлѣ красныя пятна и небольшія раны на ногахъ. Хотя онъ и жаловался на болѣзнь, но, будучи веселаго нрава и зная плохія послѣдствія унынія и лѣности, не хотѣлъ уклоняться отъ работъ. Пахтусовъ, какъ умѣлъ, пользовалъ обоихъ больныхъ, насколько позволяли бывшія подъ руками врачебныя средства и ограниченныя его свѣдѣнія въ медицинѣ. Прочіе люди были совершенно здоровы; но румянца на лицѣ никто изъ нихъ не имѣлъ, что, конечно, происходило отъ тяжелаго воздуха и тѣсноты ихъ жилища, въ которомъ не иначе можно было помѣщаться, какъ сидя, или лежа на нарахъ.

Съ наступленіемъ января 1833 года истощился запасъ дровъ, собранныхъ осенью въ кучи около избы. За новыми необходимо было ходить далеко и доставать ихъ изъ-подъ снѣга. Сборъ дровъ и перевозка ихъ на саняхъ, почти за шесть верстъ, были чрезвычайно затруднительны; но, не смотря на это, люди Пахтусова, лишь

только погода позволяла, тотчасъ же принимались за эту тяжелую работу. Января 5-го заболѣлъ еще одимъ матросъ, Подгорской, опухолью колѣна.

Въ понедѣльникъ, 9-го января, въ полдень, увидали надъ горизонтомъ солнце, въ первый разъ показавшееся послѣ долгой полярной ночи, продолжавшейся 65 сутокъ. Во все это время обитатели зимовья видѣли только свѣтъ зари ежедневно $2^1/_2$ часа, когда солнце находилось около меридіана; кромѣ того они пользовались свѣтомъ луны и сѣвернымъ сіяньемъ. Иногда, когда на небѣ не видать было ни звѣздъ, ни луны,—снѣга своею бѣлизною такъ сіяли, что изъ черной ночи дѣлали сумерки.

Вечеромъ, 12 января, по причинѣ жестокой мятели, всѣ участники экспедиціи сидѣли въ избѣ. Подлѣ бочекъ, изъ которыхъ собранъ былъ корридоръ, внезапно раздался трескъ. Выскочивъ за дверь, матросы увидали огромнаго бѣлаго медвѣдя, который, испугавшись, тотчасъ же удалился по направленію къ губѣ. Этотъ звѣрь, какъ замѣтно было по слѣдамъ его переднихъ лапъ, намѣревался подняться на крышу сѣней съ западной стороны, и если бы онъ былъ такъ же смѣлъ, какъ прежніе его земляки—товарищи, то забрался бы на кровлю, и неминуемо долженъ бы былъ провалиться въ сѣни, а тогда дѣло, вѣроятно, не обошлось бы безъ большихъ хлопотъ.

Сильные морозы продолжались почти до половины марта. Съ этого времени сталъ Пахтусовъ готовиться къ возобновленію описныхъ работъ. Вечеромъ 12-го числа, сидѣвшіе въ избѣ услыхали за стѣною хрустъ снѣга. Кто-то, взглянувъ въ окно, увидалъ подлѣ угла

избы бѣлаго медвѣдя, который вскорѣ подошелъ къ окну. Минутъ пять смотрѣлъ онъ пристально на жителей зимовья. Охотники выбѣжали изъ хижины и мѣткимъ выстрѣломъ ранили звѣря позади лопатокъ. Онъ бросился бѣжать, но наткнулся на веревку, на которой сушили бѣлье. Тонкая веревка оборвалась, а раненый храбрецъ побѣжалъ къ губѣ Каменкѣ и, удалясь саженъ на тридцать, упалъ. Еще одинъ выстрѣлъ и ударъ рогатиной рѣшили участь любознательнаго посѣтителя. Изъ всѣхъ видѣнныхъ пахтусовцами бѣлыхъ медвѣдей это былъ только еще первый, который достался имъ въ добычу.

Когда погода смягчилась и наступилъ конецъ вьюгамъ, приступили къ описнымъ работамъ. Опись рѣшено было производить по льду. Утромъ, 11 апрѣля, отправился Пахтусовъ съ четырьмя матросами въ путь, взявъ съ собою нарочно для того приготовленныя легкія сани, на которыя положили необходимые инструменты, провизіи на недѣлю, теплую самоѣдскую одежду, а также ружья и рогатины для защиты отъ медвѣдей. До девяти часовъ вечера продолжалась работа. Для ночлега остановились на низменномъ берегу Никольскаго Шара. За неимѣніемъ палатки, вырыли ямы въ снѣгу и провели въ нихъ ночь довольно сносно. Работа продолжалась до 16 апрѣля, когда, по причинѣ стужи и сильнаго вѣтра, прекратили опись и вернулись къ западному устью Никольскаго Шара, на южномъ берегу котораго набрели на полусгнившую избу. На необитаемыхъ островахъ негостепріимнаго сѣвера часто попадаются построенные промышленниками избушки. Отсидѣвъ въ нихъ нѣсколько не-

дѣль, а иногда и мѣсяцевъ, поморы предоставляютъ ихъ въ пользованіе тому, кому приведется спасаться отъ непогоды, гибели на морѣ и голодной смерти. Попадаются и кресты. Ихъ ставятъ мозолистыя руки набожныхъ промышленниковъ на могилахъ погибшихъ товарищей, или въ память избавленія отъ угрожавшей смерти, въ роковую минуту борьбы съ грозной стихіей, либо съ лютымъ хищнымъ звѣремъ.

Лачуга оказалась наполненной снѣгомъ; окна и двери были отворены настежъ, потолокъ сломанъ. Разведя подлѣ избы огонекъ, согрѣли чайникъ, поужинали, и попрежнему легли въ холодныя, вырытыя въ снѣгу ямы.

Утромъ, 17-го апрѣля, по восхожденіи солнца, увидали путники около него радужный кругъ. Онъ состоялъ изъ трехъ цвѣтовъ: ближайшій къ солнцу былъ фіолетовый, второй за нимъ—свѣтло-желтый, третій, свѣтло-палевый, былъ шире прочихъ; внѣшній край его скрывался въ туманѣ. Явленіе это предвѣщало крѣпкій вѣтеръ и ненастную погоду. Поэтому рѣшено было вернуться ближайшимъ путемъ къ зимовью. Вскорѣ заревѣлъ жесточайшій противный вѣтеръ съ мятелью. Изнуренные отъ усталости, окоченѣвшіе отъ холода, доплелись труженики до теплой избы; у всѣхъ пятерыхъ вернувшихся сильно были воспалены глаза.

По возвращеніи Пахтусова съ описныхъ работъ, изба обратилась въ лазаретъ: къ прежнимъ двумъ трудно-больнымъ присоединились всѣ пятеро, ходившіе на описную работу. Изъ оставшихся же дома четырехъ человѣкъ, только двое могли исправлять всѣ необходимыя работы, но черезъ недѣлю больные глазами поправились

только у Пахтусова долго оставалась на бѣлкахъ краснота, и онъ долженъ былъ остерегаться вѣтра, чтобы большимъ разстройствомъ глазъ не сдѣлать остановки въ дальнѣйшихъ занятіяхъ по изслѣдованію берега.

Хотя исходъ апрѣля и ознаменовался ненастными погодами, но температура воздуха была гораздо теплѣе, чѣмъ прежде. Пахтусовъ съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія хорошаго весенняго времени, и, къ величайшей радости, однажды утромъ усмотрѣлъ предвѣстницъ весны— прилетѣвшихъ пѣночекъ, которыя, съ наступленіемъ въ октябрѣ холодовъ, оставили берега Новой Земли. Опять принялся Пахтусовъ за работу съ тѣми же самыми людьми, которые были съ нимъ въ прошлый разъ на береговой описи. Остальные четыре человѣка, совершенно больные, не были въ состояніи оказать ему помощи. Крапивину поручено было сдѣлать, во время отсутствія начальника экспедиціи, опись губы Каменки и островов, лежащихъ къ востоку отъ губы.

На этотъ разъ труды Пахтусова не пропали даромъ. Съ 21 по 28 апрѣля работы подвигались успѣшно, хотя по временамъ и мѣшалъ густой снѣгъ. Въ 7 часовъ утра, 1-го мая, приступили къ описи южнаго берега Никольскаго Шара. Къ вечеру прибыли въ Пѣтуховскій Шаръ, и ночевали попрежнему въ вырытыхъ въ снѣгу ямахъ. Въ этотъ день пройдено было съ описью около семнадцати верстъ. Она была столь сложна, что для точнѣйшаго опредѣленія всѣхъ мѣстныхъ подробностей, надлежало бы проѣздить нѣсколько дней на оленяхъ или собакахъ: приходилось пересѣкать обширные заливы съ островами; всюду виднѣлись группы мелкихъ каменныхъ островов.

До 2-го мая работа шла успѣшно, хотя нерѣдко, за все время отъ начала ея, съ 21 апрѣля, приходилось Пахтусову и его спутникамъ, укрываясь отъ рѣзкаго вѣтра со снѣгомъ, отсиживаться гдѣ нибудь, подъ утесомъ холмистаго островка. Иногда, насквозь промокшіе, при пронзительно-жестокомъ вѣтрѣ, когда къ ночи усиливалась стужа, путники рисковали совсѣмъ замерзнуть.

Единственное ихъ спасеніе заключалось въ мѣдномъ чайникѣ, въ которомъ была возможность вскипятить снѣговую воду, чтобы хотя сколько-нибудь отогрѣться. Но и этого утѣшенія суждено было имъ скоро лишиться. Запасъ взятыхъ съ собой дровъ истощился, а достать ихъ было неоткуда. Такимъ образомъ, они лишились возможности развести огонь и добыть сколько-нибудь горячей воды. Они чувствовали голодъ; но одни сухари, безъ воды, вожбуждали жажду, утолить которую они не могли. Имъ необходимо было ходить, потому что всѣ члены отъ сырости и холода цѣпенѣли. Снѣгъ, при малѣйшемъ движеніи, набивался подъ одежду и, превращаясь въ воду, мочилъ ихъ до пояса. И, не пройдя какихъ-нибудь пяти саженъ, путники падали въ изнеможеніи. Положеніе ихъ становилось еще бѣдственнѣе отъ невозможности утолить томительную жажду. Тщетно держали они во рту по свинцовой пулѣ; сначала, казалось, жажда нѣсколько утихала, но черезъ нѣсколько минутъ возрождалась она еще съ большею силой. Наконецъ, пришла Пахтусову мысль, что снѣгъ можно распустить въ кружкѣ, за пазухой, и не болѣе какъ черезъ полчаса времени добылъ онъ такимъ образомъ чарки полторы воды, которая была для него столь драгоцѣнна,

что онъ не отдалъ бы ея ни за какія милліоны. Спутники Пахтусова послѣдовали его примѣру, и были рады, хотя на нѣкоторое время, утолить жажду.

Сѣверо-восточные вѣтры продолжали съ рѣдкими промежутками дуть до 5-го мая. Измученные, потерявшіе всякую надежду на успѣшное продолженіе описи, опасаясь погибнуть отъ изнуренія и голода, такъ какъ взятая съ собой провизія подходила къ концу, Пахтусовъ и его товарищи принуждены были ближайшимъ путемъ направиться къ зимовью. Въ послѣдніе дни приходилось имъ питаться исключительно остатками ржаныхъ сухарей. Сномъ они не смѣли подкрѣпить себя, потому что необходимо было спѣшить домой, а противный вѣтеръ не стихалъ, да и ѣсть становилось уже нечего. Въ продолженіи шести часовъ они прошли, безъ отдыха, около двадцати верстъ труднаго пути, и, наконецъ, 5-го мая, вечеромъ, вернулись въ зимовье.

Лишь только показались они въ губѣ Каменкѣ,— увидѣвшіе ихъ Крапивинъ и одинъ изъ матросовъ бросились къ нимъ на встрѣчу. Крапивинъ говорилъ, что онъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ, и если бы они въ этотъ день не вернулись, то считалъ бы ихъ погибшими, такъ какъ такой бури и мятели не было во все продолженіе зимы. Порывами вѣтра расшатало всю избу и занесло ее снѣгомъ по самую кровлю.

Послѣ первыхъ радостныхъ привѣтствій, Крапивинъ сообщилъ, что матросъ Федотовъ умеръ 3-го мая, вечеромъ, и похороненъ въ снѣгу, и что другой больной, Подгорской, въ крайнемъ изнеможеніи отъ цынготной болѣзни, уже двѣ недѣли лежитъ въ безнадежномъ положеніи.

Возвратившіеся труженики успокоились въ теплой избѣ; но на другой день почувствовали во всемъ тѣлѣ сильную боль, переходившую изъ одного мѣста въ другое. Пахтусовъ страдалъ болью въ животѣ и въ бокахъ, такъ что едва могъ лежать. У прочихъ вернувшихся людей обнаружились признаки сильной простудной лихорадки, которая усиливалась со дня на день; но имъ нельзя было принять противъ нея никакихъ мѣръ, и приходилось черезъ силу работать подъ открытымъ небомъ, потому что тяжелый, спертый воздухъ въ избѣ не только не позволялъ имъ надѣяться на скорое выздоровленіе, но, напротивъ, угрожалъ усиленіемъ болѣзни и присоединеніемъ къ ней цынги, отъ которой умеръ Федотовъ и страдалъ Подгорской.

Его воспламененные сверкающіе глаза, помутившійся взглядъ, огненное лицо, распухшія ноги, губчатыя кровоточивыя десны и, наконецъ, зеленоватыя пятна по всему тѣлу—все ясно указывало на то, что и этотъ несчастный неминуемо долженъ послѣдовать за своимъ товарищемъ.

Двое изъ вернувшихся съ описныхъ работъ, черезъ недѣлю выздоровѣли совершенно, а Пахтусовъ съ двумя матросами все еще оставался въ опасномъ положеніи отъ истощенія силъ.

До сихъ поръ пища обитателей зимовья состояла исключительно изъ солонины; но, такъ какъ желудокъ больныхъ не могъ ея переваривать, то начальникъ экспедиціи призналъ необходимымъ замѣнить ее жидкой гречневой кашицей, а для питья варить декоктъ изъ запаса грудныхъ травъ съ овсяной крупой. Вода, которую, для

питья и приготовленія пищи, доставали съ самаго дна небольшого озера, приняла отвратительный запахъ, и поэтому приходилось довольствоваться водою изъ талаго снѣга. Подгорской умеръ 13 мая, вечеромъ.

— . . . —

ГЛАВА VII.

Полярное лѣто.

Успѣшный ходъ работъ.—Безплодная попытка проникнуть въ Маточкинъ Шаръ.—Возвращеніе въ зимовье.—Прощаніе съ зимнимъ жилищемъ.—Медвѣжья охота на водѣ.—Опасность Крапивина и бѣгство волчьихъ шубъ.—Запертые во льдахъ.—Мрачныя мысли Пахтусова.—Судно въ видѣ замороженной рыбы.—Прибытіе въ Маточкинъ Шаръ.—Тревожныя мысли Пахтусова объ участи шхуны *«Енисей»*.

Занятія береговой описью, вслѣдствіе наступившихъ теплыхъ ясныхъ дней, съ половины мая, пошли успѣшнѣй. Съ 19-го числа южными вѣтрами отодвинуло ледъ въ море за предѣлы горизонта, и съ горъ можно было видѣть только небольшіе плавающіе куски; но прибрежные заливцы были еще покрыты сплошнымъ неподвижнымъ льдомъ, не смотря на то, что рѣчки уже вскрылись, и вода съ горъ лилась ручьями.

Окончивъ исправленіе судна и лодокъ, отправился Пахтусовъ съ двумя матросами на большой лодкѣ, для продолженія описи, вдоль восточнаго берега Новой Земли къ сѣверу, съ тѣмъ, что, если обстоятельства и время позволятъ, то пробраться въ Маточкинъ Шаръ. Провизіи взялъ онъ съ собой на мѣсяцъ, а Крапивину, поручивъ карбасъ

съ остальной командой, приказалъ немедленно слѣдовать за нимъ, какъ только губа Каменка очистится отъ льда.

На этотъ разъ удалось неутомимому штурману проникнуть къ сѣверу на 110 верстъ отъ зимовья. Не легко, однако, досталась на его долю эта первая значительная побѣда надъ неукротимой природой суроваго края. Проливные дожди и, по временамъ, густой снѣгъ мѣшали труженикамъ продолжать опись. Часто приходилось имъ тратить много времени, оставаясь на мѣстѣ, чтобы просушить платье и провизію. Кромѣ того, относительно малая величина лодки не давала Пахтусову надежды благополучно пробраться къ Маточкину Шару. Бо̀льшую часть провизіи подмочило, а годной къ употребленію въ пищу оставалось не болѣе, какъ на десять дней. Всѣ эти обстоятельства принудили его немедленно вернуться въ зимовье, тѣмъ болѣе, что его безпокоила участь оставшихся при Крапивинѣ четырехъ матросовъ, изъ которыхъ двое были больны.

Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, Пахтусовъ пустился въ обратный путь. Вѣтеръ постепенно усиливался, и волненіе дошло до такихъ грозныхъ размѣровъ, что лодка подвергалась большой опасности. Тѣмъ не менѣе, 7-го іюля, вечеромъ, добрались до зимовья.

Оказалось, что ледъ въ губѣ Каменкѣ сломало еще только наканунѣ, а судно совершенно готово, и съ первымъ попутнымъ вѣтромъ можетъ выйти въ море. Больные нисколько не поправились.

Отдохнувъ и переждавъ, когда нѣсколько успокоился бушевавшій сѣверо-восточный вѣтеръ, Пахтусовъ, забравъ изъ зимовья всѣ вещи и инструменты, перебрался на

карбасъ, а въ 6 часовъ вечера, 11-го іюля, простился съ зимовьемъ, гдѣ прожилъ 297 дней, и, по обычаю промышленниковъ дальняго сѣвера, оставилъ въ избѣ около двадцати фунтовъ хлѣба, муки полтора пуда, огниво и небольшое количество дровъ.

Съ этого дня продолжали опредѣленіе берега далѣе къ сѣверу и изслѣдовали всѣ заливы и рѣки, насколько позволяли льды и состояніе погоды.

Не мало приключеній, не мало тревогъ пережито было моряками во время этого плаванія. Однажды, вечеромъ, увидали они бѣлаго медвѣдя, который, не дойдя до воды, остановился на берегу, обнюхивая воздухъ. Какъ только направились къ нему на лодкѣ охотники, онъ, быстро смекнувъ въ чемъ дѣло, бросился въ воду и поплылъ въ море. Охотники на лодкѣ—за нимъ, и не болѣе какъ черезъ четверть часа буксировали подстрѣленнаго звѣря къ судну. Этотъ ошкуй, въ сравненіи съ прежде убитымъ, былъ значительно меньшаго размѣра, и притомъ совершенно тощій, такъ что сала изъ него не добыли нисколько.

Почти въ то же время, всѣ находившіеся на карбасѣ изумлены были отчаяннымъ крикомъ, доносившимся съ берега. Тамъ въ это время находился Крапивинъ, а потому, въ полной увѣренности, что на него напалъ медвѣдь матросы поспѣшили на помощь; но лишь только, выйдя изъ лодки, поднялись на береговую возвышенность, какъ увидали Крапивина, идущаго къ нимъ на встрѣчу. Оказалось, что онъ нечаянно очутился въ обществѣ шести волковъ, которые, замѣтивъ его, подняли яростный вой. Охотники отправились было за волчьими шубами, но

волки, не допустивъ ихъ на ружейный выстрѣлъ, бѣжали въ горы.

Случалось, что, забравшись на карбасѣ въ какой нибудь заливецъ, Пахтусовъ со своими вѣрными матросами по нѣсколько дней томился, запертый со всѣхъ сторонъ льдами, не зная, когда судьбѣ угодно будетъ надъ нимъ сжалиться, давъ ему возможность выбраться на морской просторъ.

Въ такомъ критическомъ положеніи находился онъ 1-го августа. Въ этотъ день, ровно годъ назадъ, простился онъ въ Архангельскѣ съ родными и друзьями, и это воспоминаніе усиливало тягость его положенія. Быть запертымъ льдами въ небольшой губѣ, въ бездѣйствіи и въ страхѣ вторично зазимовать на мѣстѣ, не имѣя для пріюта даже полусгнившей избы, было неутѣшительно. Зная, однако, что отчаяніе—первый поводъ къ неудачамъ, и всегда ведетъ за собой самыя бѣдственныя послѣдствія, онъ старался скрывать свои опасенія не только отъ товарищей, но даже и отъ самого себя.

Еще нѣсколько дней привелось спутникамъ настойчиваго изслѣдователя протосковать въ томительномъ бездѣйствіи...

Кромѣ измѣренія глубины залива и наблюденій надъ приливомъ и отливомъ, Пахтусовъ и его люди не могли пріискать себѣ никакого дѣла или развлеченія. Самыя горы, ихъ окружавшія, наконецъ наскучили имъ нестерпимо. Единственнымъ занятіемъ матросовъ была охота за облинявшими гусями, турнапами и нерпами, которая имѣла хоть ту полезную сторону, что давала командѣ свѣжее мясо, замѣнившее солонину, про-

должительное употребленіе которой ведетъ за собой заболѣваніе цынгой.

Съ 8-го августа заливъ сталъ очищаться отъ льда. Задулъ сначала умѣренный, потомъ крѣпкій попутный вѣтеръ, и безвинно арестованные во льдахъ, наконецъ, освободились изъ тягостнаго заключенія. Съ вечера 9-го августа до двухъ часовъ пополудни слѣдующаго дня стояла мокрая адски-ненастная погода. Болѣе двадцати часовъ валилъ густой снѣгъ, а въ перемежку лилъ частый дождь,—словомъ, была невообразимѣйшая слякоть. Судно было похоже на обмокнутую въ воду и потомъ замороженную рыбу: борта, мачта, снасти, словомъ, вся наружность его покрылась ледяною корою. Затѣмъ, въ ночь на 11-е число, послѣ проливного дождя, вѣтеръ смягчился и далъ Пахтусову возможность продолжать путь.

Въ Маточкинъ Шаръ вошли 13-го августа. Здѣсь застали путники зиму въ полномъ величіи. Вмѣсто земли, повсюду, по берегамъ, виденъ былъ только снѣгъ, можетъ быть, нѣсколько десятковъ лѣтъ не стаивающій. Ни малѣйшихъ слѣдовъ растительности...

И такъ, восточный берегъ южнаго острова Новой Земли былъ обслѣдованъ. Но отважному путешественнику пришлось, къ несчастію, остановиться предъ самыми неодолимыми препятствіями.

Пахтусовъ и Крапивинъ съѣхали на берегъ для производства астрономическихъ наблюденій, а двухъ человѣкъ послали къ стоявшей на берегу ветхой избѣ осмотрѣть мѣстность и дознаться, не зимовалъ ли тамъ лейтенантъ Кротовъ, и не оставилъ ли онъ, какъ между

нимъ и Пахтусовымъ было условлено еще въ Архангельскѣ, передъ уходомъ экспедиціи, какое нибудь извѣстіе о своемъ плаваніи и дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Посланные, вернувшись, объявили, что ни малѣйшихъ признаковъ недавняго пребыванія тамъ людей не нашли. Съ этого дня не переставала преслѣдовать Пахтусова грустная дума объ участи товарищей, отправившихся въ одно время съ нимъ изъ Архангельска на шхунѣ «*Енисей*». Его тревожила мысль:—почему они не исполнили условія?

ГЛАВА VIII.

Возвращеніе экспедиціи въ Архангельскъ и отъѣздъ Пахтусова въ Петербургъ.

Колебанія Пахтусова относительно продолженія описныхъ работъ.—Истощеніе провизіи.—Невозможность продолжать дѣло, вслѣдствіе упадка силъ команды и отсутствія помѣщенія для зимовки.—Безповоротное рѣшеніе возвратиться въ Архангельскъ.—Погребеніе въ морѣ умершаго матроса.—Бѣдствія на обратномъ пути.—Отъ Пустозерска до Мезени на оленяхъ.—Возвращеніе въ Архангельскъ.—Составленіе отчета.—Оцѣнка Пахтусовымъ собственныхъ своихъ дѣйствій и познаній.

Дувшій три дня сряду крѣпкій сѣверо-западный вѣтеръ отодвинулъ льды за предѣлы горизонта, въ Карское море. Это обстоятельство давало надежду на успѣшное продолженіе описныхъ работъ. Сколько ни рвалась предпріимчивая душа Пахтусова продолжать опись къ сѣверу, однако не вдругъ рѣшилъ онъ роковой вопросъ: возвратиться ли въ Архангельскъ, или приступить къ продолженію описи? Ему было и жаль, и совѣстно оставить берега, никѣмъ не осмотрѣнные, и при томъ, въ такое время, когда они начинаютъ очищаться отъ льда.

Но идти далѣе, къ сѣверу, значило рѣшиться на вторую зимовку. Между тѣмъ, провизія была на исходѣ, а

люди, истощенные, заморенные непомѣрными трудами и лишеніями, при убійственныхъ климатическихъ условіяхъ, не имѣли достаточныхъ силъ, необходимыхъ для такого рискованнаго предпріятія. Сердце Пахтусова болѣзненно сжималось при видѣ этихъ безропотныхъ людей, хотя духомъ они и были бодры. Быть можетъ, ему удалось бы пройти небольшое разстояніе для обзора хотя части сѣвернаго острова Новой Земли;—но какъ удалось бы оттуда возвратиться, или устроить зимовье?—вотъ вопросъ. И эта зима, по всѣмъ вѣроятіямъ, была бы послѣднею, если не для всѣхъ, то для большей части товарищей Пахтусова. Какая же была бы тогда польза отъ экспедиціи? Отважный изслѣдователь не желалъ быть виновникомъ гибели своихъ спутниковъ. Упрекъ въ ихъ бѣдствіи легъ бы тогда всецѣло на него одного, и тяжесть этого упрека не могло бы снять даже удовлетвореніе честолюбія, если бы онъ пережилъ своихъ товарищей.

Пахтусовъ рѣшился на обратный путь чрезъ западное устье Маточкина Шара, оставивъ восточный берегъ сѣвернѣе этого пролива неосмотрѣннымъ. *Опасности, которыя мы встрѣчали, и перенесенные нами труды,*—говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ,—*нельзя еще назвать непреодолимыми: только хвастливое краснорѣчіе, желая сильнѣе дѣйствовать на простодушныхъ слушателей, облекаетъ покровомъ ужаса самыя ничтожныя затрудненія. Съ терпѣніемъ, дѣятельностью, съ возможными предосторожностями для сохраненія здоровья людей, съ мыслью о славѣ Россіи и съ помощью Божіею, можно, рѣшительно скажу, изслѣдовать остальную часть берега Новой Земли.*

Такимъ образомъ, возвращеніе въ Архангельскъ рѣшено было безповоротно.

Въ 2 часа пополудни, 17-го августа, послѣ плаванья, продолжавшагося около сутокъ, стали на якорѣ противъ Бѣлужьей губы. Осмотрѣли берегъ подробно, и увидали тамъ остатки гнилой развалившейся лачуги, въ которой семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ зимовала экспедиція Розмыслова; но нигдѣ не нашли слѣдовъ новой избы, которую долженъ былъ доставить туда, для зимовки экспедиціи, крестьянинъ Гвоздаревъ. Пошли дальше. Черезъ четыре дня скончался еще одинъ изъ спутниковъ Пахтусова, страдавшій продолжительное время цынготной болѣзнью. Зашивъ покойника въ парусину и привязавъ къ ногамъ балластину *), опустили тѣло, послѣ совершенія обычныхъ молитвъ, въ море.

Въ 9 часовъ утра, 21-го августа, задулъ сильный восточный вѣтеръ и развелъ ужасное волненіе. Пахтусовъ приготовился бороться съ непогодой. Солнце во весь день проглядывало сквозь разрывающіяся облака, и лучи его, хотя не грѣли, но утѣшали моряковъ. До полудня буря ревѣла, и поверхность моря была изрыта огромными островершинными валами. Срываемыя вѣтромъ вершины волнъ дождемъ неслись надъ моремъ. Въ 8 часовъ вечера солнце скрылось въ облакахъ. Взглянувъ на послѣдній его лучъ, Пахтусовъ думалъ, что, быть можетъ, для него и его товарищей оно болѣе уже не взойдетъ, и во мракѣ бурной ночи прекратятся разомъ всѣ ихъ страданія. На всѣхъ лицахъ видна была одна

*) Тяжелый чугунный брусокъ.

мысль — о предстоящей опасности, а темное небо, заволоченное густыми облаками, грознымъ, тяжелымъ сводомъ нависало надъ горизонтомъ. Ни звѣздочки нигдѣ не мерцало въ этомъ сводѣ... Всюду тьма и тьма... Запѣнившіяся волны зловѣщимъ плескомъ били о кузовъ суденышка. Кто испыталъ подобныя сцены, не можетъ не согласиться, что если онѣ случаются въ морской жизни часто, то могутъ и на самый веселый нравъ наложить печать мрачности, которая бываетъ замѣтна впослѣдствіи даже въ домашней жизни моряка, долго боровшагося съ бурями. Безпрерывное вниманіе и заботливость, частое безпокойство, и нерѣдко ночи, проведенныя безъ сна, приносятъ ему преждевременную старость, и физическую, и нравственную...

Со слѣдующаго дня, на пути изъ западнаго устья Маточкина Шара въ Архангельскъ, сначала Ледовитымъ океаномъ, вдоль западнаго берега южнаго острова Новой Земли, выпало на долю экспедиціи выстрадать много бѣдствій: то бороться съ пронзительнымъ порывистымъ вѣтромъ, то починять пробитое подводными камнями дно карбаса. Изнемогали отъ стужи и голода. Работали, стоя по поясъ въ холодной водѣ. Случалось иногда: команда падала духомъ; но отважный начальникъ, наравнѣ съ подчиненными самоотверженно переносившій всевозможныя невзгоды и опасности, умѣлъ, когда было нужно, поднять духъ своихъ людей, умѣлъ расположить къ себѣ ихъ безропотныя сердца своимъ мужествомъ, терпѣніемъ, кротостью и неизмѣнной справедливостью.

Въ воскресенье, 17-го сентября, послѣ продолжительнаго и крайне затруднительнаго плаванья, достигли де-

ревни Куи, на берегу рѣки Печоры, въ пятидесяти верстахъ отъ Пустозерска.

За позднимъ временемъ года, и думать нельзя было о продолженіи пути въ Архангельскъ моремъ. Судно развооружили, и сдали подъ присмотръ одному изъ мезенскихъ мѣщанъ, проживавшему въ деревнѣ Куѣ. Онъ-же изъявилъ готовность пріютить въ своемъ домѣ команду, пока не установится зимній путь, а ранѣе этого времени невозможно было остаткамъ экспедиціи, не подвергаясь большому риску, ѣхать сухимъ путемъ, черезъ тундру, въ Архангельскъ. Не смотря, однако, на крайнюю затруднительность этого путешествія въ осеннюю распутицу, Пахтусовъ, чтобы не дать въ Архангельскѣ повода думать о гибели экспедиціи, рѣшился ѣхать одинъ.

При помощи своихъ услужливыхъ старыхъ знакомыхъ, пустозерскихъ мѣщанъ, приготовился онъ черезъ двѣ недѣли къ отъѣзду, оставивъ команду на попеченіе Крапивина, которому приказалъ, какъ только установится зимній путь, отправиться безотлагательно въ Архангельскъ.

Черезъ рѣку Печору переѣхалъ Пахтусовъ 1-го октября, и, нанявъ оленей, отправился далѣе, на слѣдующія самоѣдскія кочевья. Потянулся длинный, длинный, нескончаемый путь, пролегавшій по ровной необозримой тундрѣ и огромнымъ пространствамъ, пересѣченнымъ низкими холмами, покрытыми кое-гдѣ чахлымъ кустарникомъ. Поселенія встрѣчались только въ видѣ жалкихъ самоѣдскихъ чумовъ, и то изрѣдка. Невольную тоску нагоняло на душу это несносное путешествіе, безъ малѣйшаго разнообразія для глаза. Тянулось оно медленно.

Иногда, пока розыскивали разбредшихся по тундрѣ оленей, приходилось Пахтусову подолгу жить съ самоѣдами въ ихъ дымныхъ смрадныхъ чумахъ.

Вотъ какимъ образомъ устраиваетъ самоѣдъ свое жилище. Нѣсколько кольевъ или жердей вбиваетъ онъ кругомъ въ ледяную кору, покрывающую землю. Затѣмъ, вершины кольевъ или жердей сводитъ вмѣстѣ. Этотъ остовъ покрываетъ онъ оленьими шкурами въ два слоя: одинъ слой шерстью внутрь, другой — шерстью наружу. Эта покрышка не доходитъ до пересѣченія кольевъ въ вершинѣ, и образуетъ тамъ отверстіе, въ которое свободно выходитъ дымъ отъ разведеннаго внутри жилья огневища. Въ висящемъ надъ огнемъ котелкѣ варится незатѣйливая похлебка. Огневище замѣняетъ печку. Дымъ изъ него тянетъ къ вершинѣ чума, въ дыру, сквозь которую видно небо и мерцаніе звѣздъ въ ночное время. Часто бываетъ въ жильѣ самоѣда очень дымно, особенно, когда на дворѣ бушуетъ сильный вѣтеръ. Въ такое время непривычный въ самоѣдскомъ чумѣ гость не знаетъ, куда дѣваться отъ невыносимой рѣзи въ глазахъ. Бываетъ, что и снѣгъ, и дождь невозбранно попадаютъ внутрь жилья.

Ко всѣмъ этимъ неудобствамъ Пахтусовъ давно уже успѣлъ привыкнуть въ зимовьѣ, на берегу губы Каменки.

Пойманные и запряженные въ легкія самоѣдскія сани олени, рогатыя быстроногія лошадки сѣвера, ловко и стремительно мчали по подмерзшимъ трясинамъ одинокаго путешественника, и послѣднему оставалось только, какъ можно, крѣпче держаться за сани, чтобы не вывалиться и не сломать шеи.

Такимъ образомъ, послѣ двухнедѣльнаго скитанія по пустынной тундрѣ, прибылъ Пахтусовъ, 14-го ноября, въ Мезень, а еще черезъ недѣлю—въ Архангельскъ.

Дома занялся онъ приведеніемъ въ порядокъ добытыхъ имъ свѣдѣній и составленіемъ отчета о путешествіи. Что касается спеціальности Пахтусова, а именно описи берега Новой Земли, то онъ сдѣлалъ все, что позволяли неблагопріятныя обстоятельства, сопровождавшія его слишкомъ поздній уходъ изъ Архангельска. Онъ положилъ въ дѣло всѣ свои познанія, всю опытность, весь умъ, энергію, всю свою отвагу. Болѣе того, что онъ сдѣлалъ съ тѣми бѣдными средствами, какими снабдили его частныя лица, было-бы безуміемъ требовать отъ неутомимаго труженика. То же можно сказать и о метеорологической части его отчета. Что-же касается свѣдѣній о найденныхъ имъ минералахъ, растеніяхъ и животныхъ, онъ чистосердечно признается въ своемъ дневникѣ, что въ этомъ отношеніи его отчетъ весьма далекъ отъ того, чтобы быть удовлетворительнымъ; онъ не умѣлъ отличить разные виды не только въ травахъ, но и въ животныхъ и птицахъ. Тутъ только, на опытѣ, убѣдился онъ, что путешественникъ, посѣщающій страну, въ которую *настоящіе* ученые неохотно заглядываютъ, необходимо долженъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія по части естественныхъ наукъ, и поставить себѣ въ обязанность непремѣнно ознакомиться съ этой важной отраслью человѣческихъ знаній. И Пахтусовъ далъ себѣ слово учиться и учиться.

Зимою 1834 года, находясь въ Петербургѣ, и погруженный въ хлопоты о назначеніи правительствомъ еще одной экспедиціи на Новую Землю, а также во второе

свое путешествіе въ эту негостепріимную страну, — все свободное отъ прямыхъ своихъ занятій время посвятилъ онъ на усердное изученіе минералогіи, ботаники и зоологіи. Тѣмъ не менѣе, свѣдѣнія его о промыслахъ морскихъ звѣрей и рыбы въ изслѣдованномъ имъ отдаленномъ пустынномъ краѣ обогатили промышленниковъ сѣвера многими полезными свѣдѣніями.

ГЛАВА IX.

Вторая экспедиція.

Цѣль экспедиціи. — Отъѣздъ Пахтусова изъ Петербурга въ Архангельскъ. — Приготовленія къ походу. — Провизія. — Замедленіе работъ по вооруженію судовъ. — Запоздалый выходъ изъ Архангельска. — Исчезновеніе карбаса. — Неуспѣшное плаванье шхуны *Кротовъ*. — Обломки шхуны *Енисей*. — Печальныя вѣсти объ участи лейтенанта Кротова. — Прибытіе карбаса *Козаковъ* въ Маточкинъ Шаръ. — Льды. — Мысли Пахтусова о неизбѣжности вторичной зимовки.

Въ январѣ 1834 года представилъ Пахтусовъ въ Морское Министерство отчеты о первой своей экспедиціи. Начальство, найдя выводы работъ Пахтусова удовлетворительными и полезными для возобновляющейся промышленности у береговъ Новой Земли, наградило его орденомъ Св. Анны 3-й степени, и признало необходимымъ снарядить вторую экспедицію, съ цѣлью облегчить промышленникамъ ихъ трудное дѣло, давъ имъ въ руки самыя точныя и подробныя карты.

Насколько важны были результаты, достигнутые трудами первой экспедиціи, и насколько имя ея начальника пріобрѣло вниманія и довѣрія со стороны его морского начальства, видно изъ инструкціи, данной Пахтусову отъ

директора Гидрографическаго Депо, въ которой, между прочимъ, сказано слѣдующее:

«Усердіе ваше, оказанное при описи восточнаго берега южнаго острова Новой Земли, ручается, что ввѣряемая вамъ нынѣ экспедиція увѣнчана будетъ желаннымъ успѣхомъ, — тѣмъ болѣе, что пользу сего путешествія вы постигаете въ полной мѣрѣ. Весьма вѣроятно, что при семъ дѣлѣ вы встрѣтите препятствія; но прежніе опыты ваши будутъ здѣсь васъ руководствовать болѣе, нежели что по сему предмету теперь предположить можно».

Для второй экспедиціи требовались два небольшія судна, удобныя для плаванія между льдами и для входа въ мелководные заливы. Въ Архангельскомъ портѣ не имѣлось тогда готовыхъ такого рода казенныхъ судовъ. Лѣсничій Клоковъ, принимавшій дѣятельное участіе въ снаряженіи первой экспедиціи, предложилъ построенные по его заказу небольшую шхуну и карбасъ. Сверхъ того онъ вызвался отвезти на Новую Землю избу и провизію для экспедиціи на лодьѣ, которую предполагалъ отправить къ западному берегу Новой Земли для промысла и для отысканія пропавшаго лейтенанта Кротова.

Въ началѣ мая удостоилось Высочайшаго утвержденія предложеніе о снаряженіи экспедиціи. Въ исходѣ того-же мѣсяца выѣхалъ Пахтусовъ изъ Петербурга, а черезъ семь дней прибылъ въ Архангельскъ. Предложенныя Клоковымъ суда были приняты казною и переданы Пахтусову 15-го іюня. Тогда-же приступили къ необходимымъ передѣлкамъ шхуны и карбаса, сообразно ихъ назначенію.

Шхуна «*Кротовъ*» (названная именемъ погибшаго лейтенанта) имѣла длину 35 и ширину 11 футовъ. Карбасъ *Козаковъ* (названный именемъ погибшаго вмѣстѣ съ Кротовымъ его помощника) имѣлъ длину 40, ширину 12 футовъ. Оба судна въ подводной части были обшиты мѣдью. Каждое изъ нихъ могло вмѣстить провизіи для своей команды на 16 мѣсяцевъ. При каждомъ изъ судовъ было по одной лодкѣ, поднимавшей до восьми человѣкъ, и по небольшому челноку. Кромѣ платья и провизіи, которыми на этотъ разъ экспедиція была снабжена въ совершенно достаточномъ количествѣ, заготовлена была для всей команды теплая самоѣдская одежда, и, кромѣ того, увеличенъ запасъ противоцынготныхъ и питательныхъ веществъ. Въ числѣ послѣднихъ пріобрѣлъ Пахтусовъ, по примѣру промышленниковъ, сушеную телятину, которая оказалась весьма хорошею пищею, и команда ѣла ее охотнѣе, нежели сухой бульонъ.

Экипажъ судовъ составляли на шхунѣ *Кротовъ*: начальникъ экспедиціи, фельдшеръ Чуповъ и 7 человѣкъ матросовъ; на карбасѣ *Козаковъ*: штурманскій кондукторъ Цивулька (помощникъ Пахтусова) и семеро матросовъ.

Какъ ни старался Пахтусовъ хлопотать о скорѣйшемъ изготовленіи судовъ къ предстоявшему плаванію, работы, однако, сильно запоздали, хотя и не по винѣ начальника экспедиціи, который трудился беззавѣтно, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, и готовъ былъ отдать все самое дорогое для него на свѣтѣ за возможность хоть на какую-нибудь недѣлю ранѣе успѣть выйти въ море. Произошло-ли это промедленіе по винѣ мѣстнаго портоваго управленія — неизвѣстно; но вышли суда изъ

Архангельска 29-го іюля, т. е. только тремя днями ранѣе, нежели въ минувшую экспедицію.

Такимъ образомъ, нельзя было предсказать особеннаго успѣха предпріятію, а описнымъ работамъ, какъ оказалось изъ опыта первой экспедиціи, должны были сильно повредить льды, которые именно въ это время года дѣлаютъ восточный берегъ Новой Земли совершенно недоступнымъ не только для научнаго изслѣдованія, но и для промышленниковъ, неохотно рискующихъ на долгое время зазимовать въ глухой пустынѣ негостепріимнаго сѣвера.

До 9-го августа суда держались довольно близко одно отъ другого; но скрѣпчавшій вѣтеръ и непроницаемый туманъ, окутавшій мѣстность сѣрою, сыроватою пеленою, разъединили ихъ. Чтобы обратить вниманіе карбаса и не дать ему уклониться отъ пути его товарища, на шхунѣ палили изъ пушки, на что съ карбаса отвѣчали тѣмъ же. Передъ окончаніемъ тумана, Пахтусовъ уже не получалъ отвѣтовъ на выстрѣлы со шхуны, и потому убавилъ парусовъ, поджидая отставшее судно. Ожиданія его не оправдались; туманъ сталъ слабѣе, но отвѣтныхъ выстрѣловъ съ карбаса не было слышно. Къ вечеру туманъ разсѣялся, и къ сѣверу отъ шхуны показался черный утесистый высокій мысъ Кушный, который и въ прошлое плаванье Пахтусова встрѣтилъ его у береговъ Новой Земли. Не надѣясь въ темную ночь соединиться съ карбасомъ, Пахтусовъ рѣшилъ провести ночь на якорѣ, въ губѣ Шарочихѣ. Войдя въ этотъ небольшой заливъ, разложили на возвышенности берега костеръ, чтобы показать свое мѣсто карбасу.

На слѣдующее утро, при тихомъ вѣтрѣ, съ пасмурной погодою и сильной зыбью, вышла шхуна въ море. Плаванье это было очень неуспѣшно. Вѣтеръ по временамъ совсѣмъ стихалъ, и шхунѣ оставалось подвигаться медленно впередъ на веслахъ. Такая погода продолжалась нѣсколько дней, и только утромъ, 21 августа, при свѣжемъ вѣтрѣ, шхуна вошла въ проливъ Костинъ Шаръ, а въ полдень перешла въ устье рѣки Нехватовой, гдѣ Пахтусовъ надѣялся застать своего помощника; но тутъ узналъ онъ отъ прибывшихъ туда промышленниковъ, что Цивольнка 18-го числа ушелъ оттуда къ сѣверу. Разсчитывая по вѣтрамъ и состоянію погоды, что карбасъ не могъ уйти далеко, Пахтусовъ уже хотѣлъ было тотчасъ же продолжать путь къ сѣверу; но туманъ сгустился опять, и шхунѣ пришлось остаться въ устьѣ рѣки.

Пришедшій за нѣсколько дней туда на ладьѣ изъ Маточкина Шара промышленникъ Пономаревъ сообщилъ, что по берегу, сѣвернѣе этого пролива, видѣлъ онъ обломки составныхъ частей вооруженія небольшого мореходнаго судна. Изъ подробнаго разсказа этого промышленника Пахтусовъ убѣдился, что это были остатки шкуны *Енисей*, разбросанные моремъ по берегамъ Новой Земли. Это было первое достовѣрное извѣстіе объ участи лейтенанта Кротова и его несчастной команды.

Кромѣ того, Пономаревъ и другіе промышленники, плававшіе вдоль западнаго берега къ сѣверу, разсказали, что въ іюлѣ, при постоянно дувшихъ сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, западный берегъ Новой Земли былъ совершенно свободенъ отъ льда. Это извѣстіе не порадовало,

а, напротивъ, огорчило неутомимаго изслѣдователя: онъ не могъ не пожалѣть о позднемъ выходѣ экспедиціи изъ Архангельска, хотя и не былъ въ этомъ виноватъ.

Порѣдѣвшій нѣсколько утромъ, 22-го августа, туманъ далъ возможность Пахтусову выбраться изъ рѣки, а затѣмъ изъ Костина Шара. Дальнѣйшее плаванье шхуны сопровождалось перемѣнными вѣтрами, большей частью съ ненастными погодами и со снѣгомъ. На разсвѣтѣ, 25-го числа, увидалъ Пахтусовъ къ югу три судна и между ними распозналъ карбасъ *Козаковъ*; но слабый вѣтеръ, потомъ окончательно заштилѣвшій, не далъ возможности судамъ соединиться. На другой день, вечеромъ, шхуна вошла въ проливъ Маточкинъ Шаръ, и стала на якорь въ западной его части, близь устья рѣки Маточки, а карбасъ прибылъ туда утромъ 27-го числа.

Два дня занимались Пахтусовъ и его помощникъ производствомъ астрономическихъ наблюденій, а также осмотромъ берега и окрестностей рѣки. По окончаніи этихъ работъ, оба судна пошли Маточкинымъ Шаромъ къ востоку, до того мѣста, гдѣ, согласно обѣщанію Клокова, надѣялись путники найти лодью съ избою, но ни той, ни другой тамъ не оказалось. Пошли далѣе, на востокъ. Стали показываться льды... Чѣмъ дальше подвигались суда, тѣмъ затруднительнѣе становилось плаванье. Иногда, за полной невозможностью идти далѣе, судамъ приходилось отстаиваться на якорѣ, выжидая, когда перемѣнившійся вѣтеръ, хотя на время, освободитъ ближайшее пространство пролива отъ непреодолимой ледяной преграды.

Пробираясь между льдинами и увертываясь отъ нихъ

подъ берегъ, оба судна избѣгали опасности быть раздавленными, но не могли почти ни на шагъ подвинуться впередъ.

Наконецъ, 7-го сентября убѣдились, что весь проливъ затертъ льдомъ, который, не смотря на тихій сѣверо-западный вѣтеръ, несло теченіемъ къ западу, на встрѣчу обоимъ судамъ. Порою издалека доносился грохотъ, похожій на пушечные выстрѣлы. Это сталкивались и разбивались громадныя льдины. Иногда одна такая ледяная масса съ неудержимою силою налетала на другую, въ одно мгновеніе обѣ раскалывались на части, и, глухо шумя, на далекое разстояніе бороздя воду, исполинскіе обломки перевертывались въ всколыхнувшемся морѣ. Вслѣдъ за этой массой неслась туча ледяной пыли, осыпающей волнующуюся поверхность пролива. Становилось холоднѣе и холоднѣе...

Мысль о томъ, гдѣ и какъ укрыться отъ зимней стужи, если окажется настоятельная необходимость зазимовать въ Маточкиномъ Шарѣ, не давала ни днемъ, ни ночью покоя отважному изслѣдователю, но онъ всѣми силами старался не обнаруживать своего безпокойства передъ товарищами. Обманутый надеждой найти обѣщанную Клоковымъ избу, онъ рѣшилъ продолжать попытку пробраться на востокъ, по крайней мѣрѣ, до мыса Дровяного, къ избѣ, гдѣ еще въ 1769 году зимовалъ штурманъ Розмыслолъ, и воспользоваться ея остатками для постройки зимовья, но въ проливѣ стояла сплошная, непроницаемая масса льда.

Замѣтивъ 8-го сентября, что льды стали двигаться къ востоку, и надѣясь на скорое освобожденіе Маточ-

кина Шара, но не рискуя подвергать суда и всю команду опастности отъ могущихъ встрѣтиться случайностей, Пахтусовъ, съ цѣлью достигнуть мыса Дровяного, пустился на легкой лодкѣ въ погоню за отступающими стѣнами льда. Попытка эта, однако, не удалась. Въ скоромъ времени ледъ остановился, и далъ такой рѣшительный отпоръ, противъ котораго всѣ усилія оказались напрасными, и Пахтусовъ принужденъ былъ вернуться къ оставленнымъ судамъ. На обратномъ пути приходилось неоднократно преретаскивать лодку черезъ ледяныя поля, заграждавшія всю ширину пролива.

Въ продолженіи двухъ дней, съ нѣкоторыми перерывами, вслѣдствіе перемѣнчивыхъ вѣтровъ и дѣйствія на ледъ прилива и отлива, удалось судамъ еще нѣсколько протискаться къ востоку; но на разсвѣтѣ 12-го числа оказалось, что проливъ и къ западу, и къ востоку окончательно запертъ льдами, скованными морозомъ за ночь въ одну сплошную твердую массу.

И такъ, двинуться впередъ не было рѣшительно никакой надежды. Оставалось или зазимовать на мѣстѣ, или отступить къ западу. Первое было невозможно, потому что въ данной мѣстности не было никакого лѣса для постройки жилища; изба же Розмыслова оставалась еще въ двадцати одной верстѣ къ востоку, куда судамъ не было возможности пробраться. Оставалось одно средство: при первой возможности, какъ только позволитъ ледъ, отступить къ западу Маточкина Шара, зазимовать тамъ, а весною, когда очистится онъ отъ льдовъ, какъ можно скорѣе, поспѣшить выбраться чрезъ него къ восточному берегу Новой Земли.

ГЛАВА X.

Зимовка въ Маточкиномъ Шарѣ.

Житье въ палаткахъ и постройка избы.—Устройство зимовья.—Продовольствіе.—Развлеченія.—Сѣверное сіяніе.—Судьба бѣлаго медвѣдя, пришедшаго осмотрѣть суда.—Стужа.—Цынга.—Недостатокъ воды и топлива.—Перемѣна погоды.—Возобновленіе описныхъ работъ и благотворное ихъ вліяніе на общее состояніе здоровья команды.—Торросы.—Глазная боль.—Смерть матроса.—Возвращеніе Цивольки.—Охота.

Около полудня 14-го сентября суда повернули въ обратный путь, и пошли по направленію къ западному устью Маточкина Шара, а 17-го числа прибыли къ устью рѣки, извѣстной между промышленниками подъ названіемъ Чиракиной. Выгрузивъ изъ судовъ на берегъ провизію, запасныя доски и другія вещи, Пахтусовъ перешелъ со шхуною къ рѣкѣ Маточкѣ, чтобы тамъ разобрать старую полуразвалившуюся избу и привезти годные ея остатки для постройки зимовья; помощника же своего послалъ на карбасѣ къ сѣверному берегу Маточкина Шара пріискать для той же цѣли выкинутыхъ моремъ плавниковъ.

Когда было собрано достаточное количество строительнаго матеріала, приступили къ постановкѣ избы на

возвышенномъ западномъ берегу рѣки Чиракиной. Чтобы не тратить понапрасну время на переправу съ судовъ къ мѣсту работъ, и обратно, команда обоихъ судовъ перебралась на берегъ, въ палатки, составленныя изъ жердей и парусовъ, на подобіе самоѣдскихъ чумовъ, съ отверстіемъ наверху для прохода дыма и съ огневищемъ посреди палатки. Эти шатры предпочтительнѣе закрытыхъ палатокъ тѣмъ, что содержимый въ нихъ огонь нагрѣваетъ жилище и даетъ средство обсушить мокрую одежду.

Послѣ двухнедѣльныхъ трудовъ, окончили постройку. Зимовье состояло изъ двухъ горницъ. Бо̀льшую—длиною въ 21, шириною въ 17 футовъ, заняли 14 человѣкъ матросовъ; въ меньшей—длиною въ 12 и шириною въ 10 футовъ, помѣстился начальникъ экспедиціи съ помощникомъ и фельдшеромъ. Вдоль стѣнъ были сдѣланы нары. Въ помѣщеніи команды сложена русская печь, въ коморкѣ начальства поставлена была чугунная, и труба ея проходила чрезъ большую горницу. Кровля, служившая и потолкомъ, была настлана въ два ряда изъ свѣжихъ досокъ, взятыхъ изъ Архангельска. Высота стѣнъ была $6^1/_2$, а посерединѣ $8^1/_2$ футовъ. Въ каждой горницѣ было прорублено по окошку. Передъ дверями избы, въ двухъ саженяхъ отъ нея, выстроили небольшую баню, которая съ жильемъ соединялась корридоромъ, составленнымъ, какъ и въ прошлую зимовку, изъ бочекъ, веселъ и шлюпочныхъ мачтъ.

Въ сравненіи съ жилищемъ, гдѣ въ минувшую зимовку привелось экспедиціи отсиживаться отъ стужи и мятелей, новое зимовье казалось Пахтусову прекрасною квартирой. Команда была совершенно здорова, бодра и

весела. Пищу имѣли хорошую, и часто пользовались дичью, которую стрѣляли при каждомъ привалѣ къ берегу, начиная съ перваго дня прибытія къ берегамъ Новой Земли; только рыбой удавалось лакомиться рѣдко. Противоцынготныхъ средствъ запасено было вдоволь, и Пахтусову казалось, что зиму его товарищи должны провести вполнѣ благополучно. Шхуну и карбасъ поставили на отмели, въ ста саженяхъ отъ устья рѣки Чиракиной, и закрѣпили суда такъ, чтобы они были вполнѣ безопасны отъ льда.

Сильнымъ восточнымъ вѣтромъ, обратившимся 19-го октября въ бурю, разрушило сѣни и корридоръ избы, раскидало и разбросало бочки, весла и прочія составныя части этой легкой пристройки. Когда вѣтеръ стихъ, поврежденія исправили. Въ слѣдующіе затѣмъ дни велѣлъ Пахтусовъ поставить, верстъ на десять, въ обѣ стороны отъ зимовья *кулемы* (ловушки) для промысла песцовъ и учредилъ постоянныя прогулки для всей команды.

Въ продолженіе всего этого мѣсяца солнце показалось только пять разъ, а 1-го ноября проводили его подъ горизонтъ на долгую, долгую ночь. Черезъ недѣлю забили досками окна, и постоянно держали въ избѣ огонь. Но на дворѣ, часа полтора около полудня, было еще такъ свѣтло, что можно было читать книгу. Къ вечеру изъ-за облаковъ выплывала блѣдная луна, а ночью на чистомъ горизонтѣ загоралось величественное сѣверное сіяніе. Въ одинъ изъ такихъ дней удалось убить бѣлаго медвѣдя, пришедшаго осмотрѣть зазимовавшія суда. Эта добыча пришлась, какъ нельзя болѣе, кстати, потому что собаки, находившіяся при экспедиціи, охотно ѣли мясо

ошкуя. Послѣ того удавалось матросамъ довольно часто убивать этихъ гостей; но для себя они изрѣдка только стрѣляли чаекъ и другихъ птицъ, прилетавшихъ къ полыньямъ, около берега.

Съ половины ноября избу нерѣдко заносило снѣгомъ до самой кровли, такъ что выходить можно было только въ отверстіе, сдѣланное въ крышѣ, надъ сѣнями. Ручей, глубиною до шести футовъ, изъ котораго доставали воду для пищи, промерзъ до дна, а потому команда принуждена была ходить за водой за пять верстъ; добывать же ее изъ талаго снѣга было невыгодно, по недостатку дровъ, которыя собирали на разстояніи пятнадцати верстъ отъ хижины, и то съ величайшимъ трудомъ и рискомъ. Съ 16-го ноября проливъ покрылся сплошнымъ льдомъ, и хотя эту покрышку иногда ломало крѣпкими вѣтрами, но не трогало съ мѣста. Въ эти дни позаботились моряки приподнять свои суда на ледъ и утвердить ихъ на подпорахъ, ибо, послѣ продолжительнаго плаванія во льдахъ, необходимо было убѣдиться, не пострадала-ли подводная часть шхуны и карбаса. Кромѣ того, Пахтусовъ опасался, чтобы ледъ, промерзнувъ до дна (на $5^1/_2$ футахъ глубины), не раздавилъ судовъ.

День полярной полуночи, 11 декабря, былъ ясный, но свѣтъ такъ слабъ, что, не болѣе какъ за полчаса до полудня, даже и на открытомъ воздухѣ, нельзя было читать книгу. Начались вьюги. Часто случалось, что избу заносило до того, что мѣсто ея узнать можно было развѣ только по флюгеру на шестѣ, высотою до шести саженъ.

Первые лучи солнца показались 20-го января 1835 года. Погода была ясная. Этотъ день для обитателей зи-

мовья былъ такимъ же радостнымъ праздникомъ, какъ 1-е мая для жителей Архангельска. Въ большой горницѣ сняли съ окошка доски, и въ послѣдующій день, около полудня, можно было разбирать крупную печать безъ помощи свѣчи. Съ февраля затрещали тридцатиградусные морозы. Стѣны и потолокъ хижины промерзли насквозь; сырость на внутреннихъ стѣнахъ стала увеличиваться, и у одного матроса показались признаки цынги.

Въ началѣ марта солнце стало уже замѣтно пригрѣвать. Жители зимовья пріободрились. Въ половинѣ этого мѣсяца, съ прекращеніемъ сильныхъ морозовъ, удалось начать опись берега около западнаго устья Маточкина Шара. Погода стояла хорошая, хотя морозы иногда и доходили до 15°. На работы Пахтусовъ бралъ съ собой преимущественно тѣхъ матросовъ, у которыхъ замѣчены были признаки цынги. Умѣренное движеніе и свѣжій воздухъ скоро поправили ихъ здоровье. Въ одну недѣлю работа была окончена, а къ концу мѣсяца уже поспѣла новая карта западнаго устья Маточкина Шара.

Въ первыхъ числахъ апрѣля приготовился Пахтусовъ къ выполненію главнѣйшей задачи экспедиціи. Онъ предполагалъ выступить для описныхъ работъ къ востоку отъ зимовья. Для этой цѣли снарядилъ онъ двѣ партіи: одна изъ нихъ должна была идти, по прибрежному льду восточнаго берега Новой Земли, къ сѣверу отъ Маточкина Шара, такъ далеко, какъ позволятъ ледъ и состояніе погоды; другой партіи предоставлялось описать Маточкинъ Шаръ, по южному его берегу. Пахтусовъ желалъ лично принять на себя распоряженіе по исполненію перваго изъ этихъ назначеній; но слабость глазъ и просьбы Ци-

вольки убѣдили его уступить труднѣйшую работу послѣднему.

Все было готово къ отправленію описныхъ партій на востокъ. Цивольке поручено было 6 человѣкъ лучшихъ и здоровыхъ матросовъ, съ провизіею на мѣсяцъ. Они взяли эту кладь, съ запасною одеждою и парусинною палаткою на двое саней. Каждый возъ вѣсилъ до десяти пудовъ. Другой отрядъ, также изъ шести человѣкъ, подъ управленіемъ самого Пахтусова, взялъ провизіи только на двѣ недѣли. Простившись съ фельдшеромъ и двумя матросами, оставшимися въ зимовьѣ за слабостью и для присмотра за судами, изслѣдователи вышли въ путь при тихой ясной погодѣ, въ полдень 2-го апрѣля.

Около мыса Снѣжнаго встрѣтили они огромные *торросы* *), повидимому, въ томъ же положеніи, въ какомъ оставили ихъ въ прошлую осень; однако, проходъ между ними былъ не очень затруднителенъ: снѣгъ сравнялъ поверхность ледяныхъ зубовъ. Вечеромъ 5-го числа прибыли обѣ партіи къ мысу Дровяному и переночевали въ развалинахъ избы Розмыслова. На другой день опредѣлилъ Пахтусовъ широту мѣста, а Цивольк готовился къ дальнѣйшему пути; но, по случаю праздника Св. Пасхи, обѣ партіи не разлучались, позволивъ себѣ, послѣ утомительнаго трехдневнаго пути, необходимый отдыхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пройденнаго пространства изъ трещинъ выступала соленая вода, смочившая снѣгъ; тащить сани было такъ же трудно, какъ по песку. Пах-

*) Торросы—льдины, взгроможденныя одна на другую на ледяномъ полѣ.

тусовъ слыхалъ, что костяные полозья облегчаютъ ходъ саней по *разсольному снѣгу* *), но такими полозьями не было возможности запастись, такъ какъ медвѣжьи ребра малы и тонки, а болѣе крупныхъ звѣрей на Новой Землѣ не водится.

Послѣ шести дней совмѣстнаго странствованія, партіи разстались: Цивольнка пошелъ къ восточному устью Маточкина Шара, а Пахтусовъ началъ опись южнаго берега этого пролива отъ востота къ западу.

Окончивъ эту работу, вернулся онъ обратно въ зимовье, вечеромъ 13-го числа. Всѣ его спутники, не смотря на усиленные труды и холодныя погоды, часто сопровождавшіяся густыми вьюгами, были здоровы; но чувствовали жгучую боль въ глазахъ, хотя на пути носили глухія темныя очки; отблескъ отъ снѣга былъ несносенъ. Нѣкоторые изъ матросовъ чернили себѣ подглазье, но и это не помогало. Черезъ нѣсколько дней глазная боль прошла, и команда принялась за обычныя занятія. Вскорѣ у двоихъ обнаружились признаки цынги, да еще одинъ матросъ заболѣлъ горячкой. Скончался этотъ служака 30-го апрѣля. Совершили надъ нимъ, какъ умѣли, обрядъ отпѣванія и зарыли трупъ вмѣстѣ съ платьемъ и постелью въ глубокомъ сугробѣ снѣга.

На другой день разразилась надъ зимовьемъ ужасная буря. Всю избу занесло снѣгомъ по самую кровлю; выйти было невозможно. Такимъ образомъ, май встрѣченъ былъ обитателями зимовья, какъ-бы въ тюремномъ заключеніи.

**) Разсольнымъ снѣгомъ поморы называютъ снѣгъ, смоченный морской водой.

въ тоскѣ и печали. Они съ сердечнымъ участіемъ думали объ участи товарищей, находившихся на восточномъ берегу. Къ утру погода поправилась. Освободясь изъ душной неволи, моряки гуляли на свѣжемъ воздухѣ, любуясь ясными живительными лучами весенняго солнца. Настала теплая, благодатная пора: термометръ въ тѣни показывалъ $+5^0$. Показалось первое стадо гусей, прилетѣвшихъ съ юго-востока. Въ этотъ день удалось застрѣлить одну чайку. Эту первую весеннюю добычу, какъ лакомый кусокъ, уступили больнымъ.

Вечеромъ 6-го мая вернулся Циволька, успѣвшій изслѣдовать часть восточнаго берега отъ устья Маточкина Шара на 95 верстъ къ сѣверу. Сотрудники Цивольки были очень изнурены, однако въ нѣсколько дней совершенно поправились, и попрежнему принялись за работы вмѣстѣ съ прочими товарищами: плотничали, очищали избу и суда отъ снѣга, собирали дрова, носили воду, ходили на охоту, которая, съ наступленіемъ болѣе теплаго времени и съ появленіемъ гусей и утокъ, стала полезнымъ и занимательнымъ развлеченіемъ.

ГЛАВА XI.

Полярная весна, возвращеніе экспедиціи въ Архангельскъ и смерть Пахтусова.

Приготовленіе къ походу.—Постройка новаго карбаса.—Смерть плотника. — Отплытіе. — Остатки шхуны *Енисей*. — Ледяныя поля.—Крушеніе карбаса.—Сумскій житель Еременъ.—Возвращеніе въ Маточкинъ Шаръ.—Успѣшное продолженіе Пахтусовымъ работъ Цивольки.—Непреодолимыя препятствія.—Возвращеніе въ Архангельскъ. — Болѣзнь, кончина и погребеніе Пахтусова.—Заключеніе.

По возвращеніи Цивольки съ восточнаго берега, приступилъ Пахтусовъ къ приготовленіямъ для морского пути. Имѣя только 8 человѣкъ совершенно здоровыхъ матросовъ, рѣшилъ онъ совершить путешествіе на карбасѣ *Козаковъ*, который, по малому углубленію, представлялъ болѣе удобствъ для прибрежнаго плаванія. Для помощи же шхунѣ *Кротовъ* необходимо было, какъ можно скорѣе, поспѣшить постройкой новаго, легкаго, карбаса.

Употребленіе свѣжей пищи и развлеченіе въ приготовленіяхъ къ предстоявшему плаванію поправили здоровье всѣхъ больныхъ, кромѣ плотника Постникова, который умеръ отъ цынги. Онъ былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія, общій любимецъ и мастеръ на всѣ руки. По-

теря его была особенно чувствительна при постройкѣ новаго карбаса. Нужда, однако, научаетъ всему, и каждый изъ товарищей Пахтусова сдѣлался мастеровымъ,— и менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ. карбасъ былъ готовъ и спущенъ на воду.

Тѣмъ временемъ стало теплѣе. Въ воздухѣ чувствовалось обаятельное вѣяніе весны и пробужденіе застывшаго сѣвера. При выходѣ изъ зимовья подъ открытое небо, не ощущалось ни рѣзкости, ни морозной жесткости. Дыханія не захватывало. Изъ бѣлыхъ массъ снѣга, сіявшаго подъ солнечными лучами рѣжущимъ глаза блескомъ, подымались уже обтаявшія вершины сѣрыхъ утесовъ. Кое-гдѣ съ тихимъ урчаніемъ бѣжала вода, то подмывая снѣговые сугробы, то скрываясь въ оврагахъ, заваленныхъ ледяной пылью. Къ исходу мая появилась на южныхъ покатостяхъ горъ зелень. Въ серединѣ іюня термометръ показывалъ въ тѣни $+10^0$, а на солнцѣ $+24^0$, но Пахтусовъ все еще сидѣлъ въ устьѣ рѣки Чиракиной, запертый льдами. Все это время употребилъ онъ на осмотръ внутренности страны къ югу отъ зимовья.

Только 29-го числа очистилось западное устье Маточкина Шара, и широкое море плавно колыхалось, освобожденное по всему горизонту отъ ледяныхъ массъ. Карбасъ *Козаковъ* былъ уже готовъ къ выходу въ море. Пахтусовъ взялъ съ собой Цивольку, 9 человѣкъ команды и двѣ лодки. Провизіей запаслись на $3^1/_2$ мѣсяца. Одинъ здоровый матросъ и двое больныхъ остались въ зимовьѣ на попеченіи фельдшера Чупова. Кромѣ обязанностей лекаря, послѣднему поручено было вести метеорологическій журналъ и присматривать за шхуною.

Цѣль плаванія была: выйдя изъ западнаго устья Маточкина Шара, проникнуть къ восточному берегу Новой Земли, обойдя ее по западной сторонѣ до самой сѣверной ея точки, мыса Желанія, а оттуда спуститься вдоль восточнаго берега къ югу, до восточнаго устья Маточкина Шара.

Вечеромъ 30-го іюня вышелъ карбасъ изъ зимней стоянки, пробывъ въ ней, съ 29-го октября 1834 года,—273 дня.

У мыса Серебрянаго встрѣтилъ Пахтусовъ нѣсколько судовъ, хозяева которыхъ были очень довольны успѣшнымъ промысломъ моржей.

Послѣ долговременнаго пребыванія вдали отъ родныхъ и друзей, послѣ однообразнаго, томительно тоскливаго, прозябанія въ душномъ, сыромъ логовищѣ, послѣ пережитыхъ тревогъ и опасностей,—встрѣча людей у пустынныхъ береговъ дальняго сѣвера—такое рѣдкостное событіе, что невольно располагаетъ къ дружескому сближенію даже самыя замкнутыя натуры, заставляя сердца ихъ, хотя на время, забиться радостью. Въ суровыхъ глазахъ искрятся слезы, хриплые голоса, надсаживаясь, несутъ на встрѣчу землякамъ вопросы: давно-ли изъ Архангельска? все-ли тамъ благополучно? живы-ли жены, дѣти, родные, друзья? и т. п.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что моряки, увидя на безлюдьи неуклюжія промысловыя ладьи и заслышавъ говоръ лихихъ поморовъ, чуть не плясали въ присядку отъ охватившаго ихъ восторга.

Съ 1-го по 5-е іюля занимались описью губы Серебрянки. Берегъ ея оказался утесистымъ и почти непри-

ступнымъ. Недалеко отъ мыса Серебрянаго, а также на островѣ Митюшевѣ нашли разбросанные по берегу каютныя перегородки, двери и часть борта какого-то небольшого судна. По окраскѣ и размѣрамъ можно было заключить, что всѣ эти предметы были остатки пропавшей безъ вѣсти шхуны *Енисей*. И такъ, не оставалось болѣе сомнѣнія въ злосчастной судьбѣ лейтенанта Кротова и его товарищей. Но гдѣ именно, и при какихъ обстоятельствахъ они погибли,—такъ и осталось загадкой.

5-го іюля вступили подъ паруса. Сѣвернѣе мыса Сухого стали показываться у берега *стамухи* *) льда, а къ западу небольшія плавающія льдинки. Поднялись еще къ сѣверу. Стали показываться крупныя льдины. Сильное дѣйствіе марева (рефракціи) возвышало берега и льды изъ-подъ горизонта, показывая ихъ стѣною въ 3 и 4 ряда, одинъ надъ другимъ.

Утромъ 9-го іюля, верстахъ въ двухъ къ западу отъ карбаса, показались обширныя ледяныя поля. Поэтому, чтобы укрыться отъ приближающейся бѣды, пришлось судну зайти за лежавшій на пути островъ и стать на якорь. Но и это не спасло. Черезъ нѣсколько часовъ напоръ льда усилился, и якорные канаты карбаса подрѣзало. Судно увернулось было за одну большую льдину, но и она защищала недолго; другія льдины обошли ее и напирали на карбасъ со всѣхъ сторонъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи понесло судно къ прибрежному льду, и тутъ вся исполинская сила напора льдинъ разразилась надъ слабымъ карбасомъ: онъ глухо затре-

*) Стамуха—ледяная гора, глыба льда, стоящая на мели.

щалъ, и черезъ какую нибудь минуту треснулъ вдоль; вода хлынула внутрь...

Предвидя конечную гибель судна, Пахтусовъ заранѣе распорядился спасеніемъ необходимѣйшихъ вещей, и, когда бѣдствіе совершилось,—карты, журналы и инструменты были на рукахъ у него и его помощника. Значительная часть провизіи, ружья, порохъ и пули были вынесены на палубу, но сухарей достали очень мало. Черезъ полчаса судно наполнилось водою до палубы. Случилось это около полудня. Въ то же время вѣтеръ усилился, и ледъ сталъ отодвигаться вмѣстѣ съ карбасомъ къ сѣверо-западу, на широкій просторъ Ледовитаго океана.

Медлить было нельзя. Часть спасенныхъ вещей, погрузивъ на двѣ лодки, потащили по льдинамъ къ берегу, который отстоялъ отъ судна на версту и былъ отдѣленъ отъ льда широкой полыньей. Наконецъ, въ 6 часовъ, потерпѣвшіе крушеніе моряки достигли твердой земли, и перенесли часть спасенныхъ вещей на возвышенность берега. Всѣ перемокли, озябли и, дойдя до крайней степени изнеможенія, едва въ состояніи были передвигать ноги и владѣть окоченѣвшими руками. Но впереди требовалось еще не мало усилій и напряженія воли.

Разведя огонь и устроивъ изъ спасенныхъ парусовъ палатки, команда, ободряемая мужественнымъ начальникомъ, снова принялась, было, перетаскивать оставленныя на льду провизію и бочку со смолою. Послѣдняя была особенно нужна для исправленія лодокъ; но льдину, на которой все это помѣщалось, уже унесло, тѣмъ временемъ, въ море. Такимъ образомъ, экспедиція ли-

шилась значительной части предметовъ самыхъ необходимыхъ.

Ночь провели въ палаткахъ. На слѣдующій день, къ полудню, вѣтеръ стихъ. Первой заботой Пахтусова было исправленіе лодокъ, чтобы имѣть возможность вернуться на нихъ обратно, къ Маточкину Шару. Идти далѣе, къ сѣверу, безъ провизіи, очевидно, было бы безуміемъ. Опять понизилась температура; по временамъ шелъ густой снѣгъ. Такъ продолжалось до 15-го іюля. Во все это время починяли лодки и выжидали благопріятной погоды, чтобы спустить ихъ на воду. За недостаткомъ сухарей, заготовили изъ оставшейся муки прѣсныя лепешки и, по самоѣдскому способу, испекли ихъ на вертелѣ.

Утромъ 19-го числа прояснѣло. Пользуясь чудной погодой, Пахтусовъ занялся астрономическими наблюденіями, а матросамъ велѣлъ готовить лодки къ походу. Едва успѣлъ онъ взять (измѣрить) нѣсколько высотъ солнца, какъ замѣтилъ на берегу, по другую сторону небольшого заливца, человѣка, машущаго шапкою. Тотчасъ послана была за нимъ лодка, и вскорѣ явился сумскій промышленникъ Еремин, прибывшій въ эту ночь на лодьѣ, которую онъ оставилъ въ проливѣ, неподалеку отъ мѣста, гдѣ погибъ карбасъ. Еремин вышелъ на берегъ, чтобы съ какого-либо возвышеннаго пункта осмотрѣть состояніе льда къ сѣверу. Такимъ образомъ, нежданно-негаданно явился онъ къ Пахтусову въ весьма критическую минуту. Узнавъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находится экспедиція, онъ тотчасъ же, съ полной готовностью, предложилъ къ услугамъ ея на-

чальника свою ладью для перевоза спасеннаго имущества въ Маточкинъ Шаръ, но прежде всего онъ долженъ былъ окончить свои промыслы. Вечеромъ того же числа команда перебралась на лодью.

До 1-го августа, продолжая промыселъ, Еремпнъ билъ моржей, появлявшихся около группы сосѣднихъ острововъ. Пахтусовъ и Циволька тѣмъ временемъ занимались описью берега. Черезъ недѣлю, съ небольшимъ, Еремпнъ, кончивъ промыселъ и добывъ достаточное количество моржей, доставилъ потерпѣвшихъ бѣдствіе неутомимыхъ тружениковъ въ Маточкинъ Шаръ. Въ зимовьѣ все обстояло благополучно: больные выздоровѣли. Свѣжая дичь и собранная кое-гдѣ стараніями Чупова зелень вполнѣ возстановили ихъ силы.

Несмотря на неудачную попытку проникнуть на сѣверо-восточный берегъ Ледовитымъ океаномъ отъ запада, настойчивый изслѣдователь, не давъ себѣ времени даже сколько-нибудь отдохнуть послѣ только что испытанныхъ тревогъ и бѣдствій, рѣшился еще разъ попытаться достигнуть той же цѣли черезъ Маточкинъ Шаръ. Достигнувъ восточнаго берега, онъ надѣялся до конца августа сдѣлать еще многое на пользу морякамъ и промышленникамъ. Откладывать дѣла было нельзя. Онъ приготовилъ карбасъ, взятый въ устьѣ рѣки Чиракиной у прибывшаго туда на лодьѣ промышленника Челузгина, и съ пятью матросами и фельдшеромъ оставилъ зимовье и пошелъ къ востоку.

По невозможности всей командѣ помѣститься на шхунѣ для обратнаго пути въ Архангельскъ, поручено было Циволькѣ, во время отсутствія Пахтусова, погру-

зивъ часть вещей на лодьи Еремина и Челузгина, самому съ пятью человѣками команды пересѣсть на одну изъ этихъ лодей, а шхуну *Кротовъ* оставить, подъ надзоромъ двухъ матросовъ, на мѣстѣ до возвращенія начальника экпедиціи изъ предпринятаго путешествія.

На этотъ разъ удалось Пахтусову пробраться до острова *), лежащаго на 35 верстъ далѣе, къ сѣверу отъ того мѣста, гдѣ Циволька прервалъ свои работы въ апрѣлѣ; но, по невозможности, вслѣдствіе плотно прижатаго къ берегу льда, продолжать путь еще далѣе къ сѣверу, неутомимый изслѣдователь принужденъ былъ возвратиться въ Маточкинъ Шаръ, гдѣ, сверхъ чаянія, засталъ своего помощника, не успѣвшаго еще, за противными вѣтрами, уйти съ частью команды по назначенію. Черезъ недѣлю отправились въ Архангельскъ на шхунѣ самъ Пахтусовъ, фельдшеръ и 5 человѣкъ команды. Циволька съ остальными матросами слѣдовали туда же на промысловыхъ лодьяхъ. Два дня пути должна была шхуна потерять, укрываясь въ рѣкѣ Камбальницѣ отъ крѣпкаго противнаго вѣтра. Лодьи за нѣсколько дней передъ тѣмъ скрылись. Продолжая послѣ того плаваніе по Бѣлому морю, Пахтусовъ долго боролся съ сильными противными вѣтрами, такъ что въ Соломбалу прибылъ онъ не ранѣе 7-го октября, пробывъ въ отсутствіи 440 дней.

Вернувшись домой, къ семьѣ, Пахтусовъ ревностно занялся составленіемъ отчета о дѣйствіяхъ экспедиціи. Непомѣрные труды въ теченіи многихъ лѣтъ, а въ особенности, перенесенныя съ рѣдкимъ самоотверженіемъ

---

*) Островъ этотъ впослѣдствіи названъ именемъ Пахтусова.

въ продолженіи послѣднихъ двухъ экспедицій лишенія и бѣдствія,—въ конецъ подорвали желѣзное здоровье неустрашимаго путешественника. Онъ захворалъ. До того времени всегда чрезвычайно спокойный, терпѣливаго нрава, онъ сдѣлался теперь крайне раздражительнымъ, и это еще болѣе повліяло на простудную лихорадку, которою заболѣлъ онъ послѣ крушенія карбаса. Болѣзнь перешла въ горячку, и послѣ двухнедѣльныхъ страданій онъ скончался 7-го ноября 1835 года, на тридцать шестомъ году, въ полномъ развитіи умственныхъ и физическихъ силъ.

Умеръ онъ къ неутѣшному горю семьи, лишившейся горячо любимаго кормильца, и къ глубокому сожалѣнію заслуженнаго архангельскаго военнаго губернатора, стараго почтеннаго адмирала Романа Романовича Галла, цѣнившаго и уважавшаго неутомимаго служаку за горячую любовь къ труду и за честную прямоту,—умеръ къ искренней печали кружка соломбальскихъ военныхъ моряковъ, потерявшихъ достойнаго товарища,—умеръ къ великой скорби беззавѣтно преданныхъ подчиненныхъ матросовъ и удалыхъ поморскихъ промышленниковъ, знавшихъ покойнаго за самаго надежнаго радѣтеля и заступника ихъ интересовъ на далекомъ сѣверѣ, заботливо входившаго въ ихъ нужды, всегда готоваго помочь совѣтомъ и ободрить добрымъ словомъ.

Похоронили Петра Кузьмича съ обычными воинскими почестями, въ оградѣ соломбальской соборной церкви *).

*) Ладьи, на которыхъ находился Циволька съ частью команды, были задержаны противнымъ вѣтромъ на пути долѣе обыкновеннаго, и хозяева судовъ не пошли въ Архангельскъ, какъ прежде разсчиты-

Человѣкъ твердой воли и несокрушимой энергіи, онъ, помимо всегдашней доброты и готовности помочь страждущему и нуждающемуся, оставилъ по себѣ память добродушной прямотой и неуклонной послѣдовательностью своимъ убѣжденіямъ, выказывая эти качества въ общеніи со всѣми, съ кѣмъ только ему приходилось встрѣчаться.

Дѣла его не громки, не видны,—они такъ далеки отъ насъ; но великую пользу оказали они жителямъ прибрежья Бѣлаго моря, которые, по слѣдамъ Пахтусова, гораздо смѣлѣе прежняго пускаются для промысловъ на Новую Землю. Довольно сказать, что лѣтомъ 1831 года тамъ не было и десятка промысловыхъ лодей, а въ 1835 году посѣтило ея берега 137 судовъ. Вотъ гдѣ прямая польза трудовъ Пахтусова. Отъ нихъ, кромѣ того, выиграла географія и естественныя науки. Помощникъ его доставилъ въ музей Императорской Академіи Наукъ значительную коллекцію минераловъ, найденныхъ Пахтусовымъ на Новой Землѣ. Кромѣ дѣятельности и трудолюбія, какъ главныхъ отличительныхъ качествъ Пахтусова, онъ обладалъ рѣшительностью, смѣлостью и горячностью. Съ такими бѣдными средствами, какія находились въ его распоряженіи въ первое его путешествіе на Новую Землю, едва-ли взялся бы за исполненіе

вали, а направились въ Суму. Оттуда отправился Цивольнка съ командой по зимнему пути въ Архангельскъ, куда и прибылъ 23-го ноября. Собравъ всѣ журналы, карты и записки Пахтусова, онъ уѣхалъ въ Петербургъ въ январѣ 1836 года, гдѣ окончилъ отчетъ, начатый Пахтусовымъ, и составилъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ карты береговъ Новой Земли.

такого дѣла даже самъ славный Джонъ Россъ, путешественникъ, вполнѣ освоившійся съ трудами полярныхъ экспедицій.

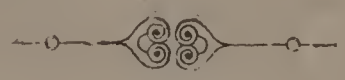
Во время двукратнаго пребыванія на Новой Землѣ Пахтусовымъ указано на мѣстонахожденія каменнаго угля на островѣ—заслуга отечественная, ибо разработка угольныхъ копей могла бы имѣть громадное значеніе какъ для сѣвернаго мореходства, такъ и для заводской нашей промышленности, хотя послѣднія пока находятся еще въ зародышномъ состояніи, а суровый, но богатый Сѣверъ, еще ждетъ отважныхъ, предпріимчивыхъ людей. Наши отдаленные потомки лучше оцѣнятъ заслугу Пахтусова, и достойное его имя получитъ тогда еще болѣе блеска и значенія.

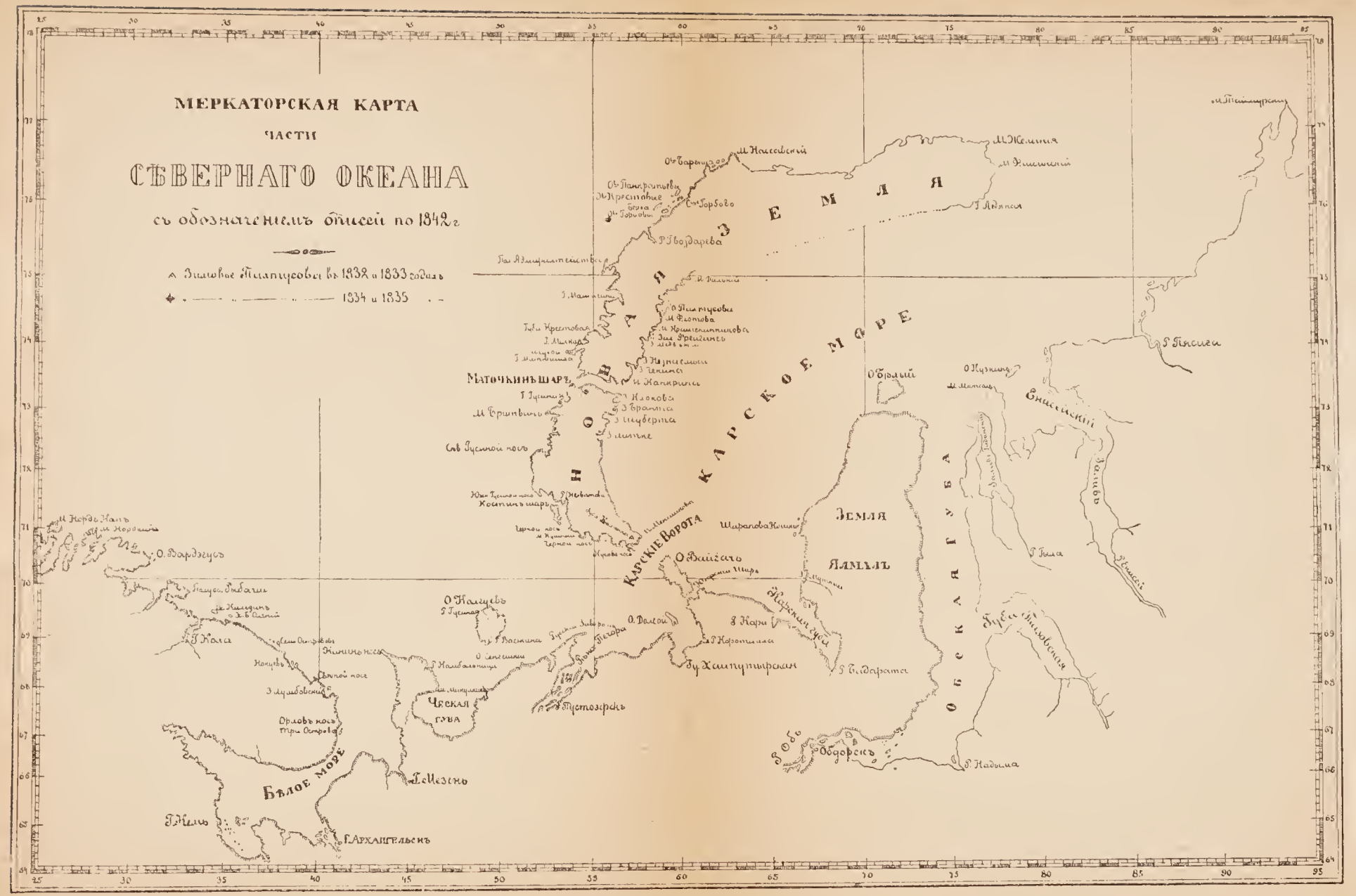
Почти черезъ пятьдесятъ одинъ годъ послѣ его смерти совершено было, 19-го октября 1886 года, въ Кронштадтѣ, противъ бывшаго Штурманскаго, нынѣ Техническаго, училища морскаго вѣдомства, — открытіе и освященіе памятника неустрашимому изслѣдователю Новой Земли; но еще задолго до этого времени оставилъ онъ по себѣ на малолюдныхъ берегахъ холоднаго Сѣвера вѣчную память въ сердцахъ благодарныхъ промышленниковъ, которымъ своими трудами онъ указалъ и облегчилъ путь къ ихъ благосостоянію.

Съ громадной опытностью, пріобрѣтенной въ многочисленныхъ трудныхъ и опасныхъ путешествіяхъ, съ природной смѣтливостью, предпріимчивостью и отвагой онъ соединялъ въ себѣ самую горячую любовь къ Россіи, и искалъ людей, которые съумѣли бы воспользоваться тѣми богатствами, которыми такъ изобильно надѣлила его оте-

чество сама природа. Онъ сознавалъ, что мореходство, морскіе промыслы, охота и горное дѣло могутъ обогатить Россію и требуютъ прежде всего образованныхъ людей. Поэтому-то, гдѣ бы онъ ни былъ: дома-ли, или въ далекихъ странствіяхъ, на сушѣ или на морѣ,—словомъ, всюду, куда ни закидывала его судьба, — прежде всего старался онъ, какъ умѣлъ, о пополненіи своего, какъ признавалъ онъ самъ, скуднаго запаса знаній.

При всемъ глубокомъ умѣ, Пахтусовъ чувствовалъ, что его умственному существованію недостаетъ твердой почвы, и что вслѣдствіе этого ему часто съ трудомъ достается то, что такъ легко усвоивается даже людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодѣяніями образованія въ большей мѣрѣ, нежели досталось на его бѣдную сиротскую долю въ стѣнахъ суровой школы военныхъ кантонистовъ. Какъ человѣкъ вполнѣ русскій, онъ служитъ поучительнымъ примѣромъ того, какъ нужно любить свою родину, какъ исполнять служебный долгъ и, забывая самого себя и семью, отдавать всю жизнь свою на пользу дорогому отечеству.




МЕРКАТОРСКАЯ КАРТА
ЧАСТИ
СѢВЕРНАГО ОКЕАНА
съ обозначеніемъ описей по 1842 г
Зимовье Тимирязевъ въ 1832 и 1833 годахъ
1834 и 1835
ЗЕМЛЯ
КАРСКОЕ МОРЕ
Маточкинъ Шаръ
Карскіе Ворота
Земля Ямалъ
Обская губа
Енисейскій
Бѣлое море
Чешская губа
Мезень
Архангельскъ
Обдорскъ
Тобольскъ
Тутозеръ
Кола
Жижгинскій
Ямальскій
Ямскій
Ямскій
Ям

у М. М. ЛЕДЕРЛЕ

(Милліонная, 29).

СКЛАДЪ СЛѢДУЮЩИХЪ ИЗДАНІЙ:

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ РАЗСКАЗЫ О ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ:

1) **Не отъ міра сего.** Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой. (Изъ жизни Елисаветы Кульманъ). 1892 г. Ц. 10 к. *Допущена для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста Среднихъ Учебныхъ Заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.*

2) **Джоржъ Вашингтонъ** (съ портретомъ). Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой. 1892 г. *Изданіе 2-е. Напечатано безъ перемѣнъ съ 1-го изданія, внесеннаго въ каталогъ книгъ, для употребленія въ Низшихъ Училищахъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.* 1887 г. Ц. 10 к.

3) **Поэтъ-герой** (изъ жизни Теодора Кернера), съ портретомъ. Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой. 1892 г. Ц. 10 к.

4) **Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ** (Аббатъ Л'Эпе, Самуилъ Гейнике и Валентинъ Гей). Разсказы А. П. Мунтъ-Валуевой. 1892 г. Ц. 10 к.

5) **Веньяминъ Франклинъ** (съ портретомъ). А. П. Мунтъ-Валуевой. 1892 г. Изд. 2-е. Ц. 10 к. №№ 4 и 5. *Одобрены для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста Средне-Учебныхъ Заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія и включены въ каталогъ книгъ для употребленія въ Низшихъ Училищахъ тоже Министерства.*

6) **Дѣтство Александра Пушкина.** Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой (съ портретомъ). 1892 г. Ц. 10 к.

Всѣ 6 книгъ въ красивомъ переплетѣ 1 р.

7) **Христофоръ Колумбъ.** Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой, съ портретомъ, картой путешествій Колумба и 4 рисунками. 1892 г. Ц. 30 коп.

8) **Первыя подвижники земли русской.** Разсказъ Е. А. Разиной. 1893 г. Ц. 10 к.

9) **Вильямъ Гладстонъ.** Разсказъ П. Г. Мижуева, съ портретомъ. 1893 г. Ц. 10 к.

10) **Гансъ Эгеде,** проповѣдникъ христіанства въ Гренландіи. Оч. П. И. Феоктистова, съ 1 картинкой. 1893 г. Ц. 10 коп.

11) **Петръ Пахтусовъ.** Его жизнь и двукратное путешествіе на Новую Землю Н. А. Борисова, съ картой части Сѣвернаго Океана. 1894 г. Ц. 30 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 февраля 1894 года.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная улица, д. № 12.

LIBRARY OF CONGRESS
0 014 553 903 1